

Издатель

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

Studia Humanitatis Borealis

<https://sthb.petrso.ru>

№ 1(26). Май, 2023

Главный редактор

А. В. Волков

Редакционный совет

К. К. Бегалинова
В. Вамбхейм
В. Н. Захаров
Ю. Корпела
К. Кроо
С. А. Лебедев
Б. В. Марков
А. Л. Топорков
Е. О. Труфанова
Р. Ямагути

Редакционная коллегия

С. В. Волкова
Е. Ю. Ежова
Г. В. Жигунова
А. Ф. Иванов
Л. И. Кабанова
Л. А. Клюкина
Н. И. Мартишина
Ю. А. Петровская
Н. А. Пруель
А. Ю. Тихонова
Л. В. Шиповалова

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
И. И. Куроптева

ISSN 2311-3049

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 410.
E-mail: studhbor@petrso.ru
<https://sthb.petrso.ru>

Содержание № 1. 2023.

ФИЛОСОФИЯ

Волкова С. В.	Деконструкция и образование	3 - 8
Пивоев В. М.	МЕРА И ГРАНИЦЫ СВОБОДЫ	9 - 21
Волков А. В.	Научное познание как культурная практика	22 - 26

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Суворова И. М.	АНТИЧНЫЙ КОД В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ НАЧАЛА И СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	27 - 32
ВАСИЛЬЕВА С. В., ЯКОВЛЕВА К. А.	ПРОБЛЕМА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ВЫБОРА В ТВОРЧЕСТВЕ У. С. МОЭМА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «НЕПОКОРЕННАЯ»)	33 - 42
ШАРАПЕНКОВА Н. Г., ЧЕПУШТАНОВА А. Е.	АВТОРСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ Б. ШЛИНКА «ВОЗВРАЩЕНИЕ»	43 - 49

УДК 165.62

Деконструкция и образование

ВОЛКОВА
Светлана
Владимировна

*доктор философских наук,
профессор кафедры философии и культурологии,
Петрозаводский государственный университет,
институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
svetavolkov@yandex.ru*

Ключевые слова:

постструктурализм
смысл
текст
понимание
интерпретация
образование
иностраный язык
лично-ориентированная
ситуация
культура

Аннотация:

Тематика статьи сформулирована в русле философии образования. Автор ставит цель эксплицировать философский потенциал постструктурализма в проекции на практику преподавания иностранного (английского) языка в школе. Отталкиваясь от базовых идей Ж. Деррида, Ж. Делеза и Р. Барта, автор показывает, что образование в рамках обучения иностранному языку должно быть направлено на культивирование такой модели личности, для которой бытийным основанием выступает конституирующая смысл сознательная деятельность. В статье демонстрируется, что данная модель личности реализуется с помощью создания в учебном процессе лично-ориентированной ситуации, включающей: педагога-психолога, ученика-интерпретатора и текст как социокультурный феномен. Данная модель, направленная на поиск и порождение учащимися смыслов и основанная на принципе диалога культур, отвечает сущностным потребностям человека в самопонимании и самовыражении.

© 2023 Петрозаводский государственный университет

Получена: 27 мая 2023 года

Опубликована: 29 мая 2023 года

Post-structuralism, which emerged as a part of postmodernism, has long attracted attention of both Western and Russian philosophers. However, the refraction or explication of post-structuralist philosophical ideas through various sociocultural phenomena has been less studied. This is particularly relevant for education, therefore, on the next pages we will try to reveal the educational potential of post-structuralist philosophy. The term 'post-structuralism' itself shows that its philosophical space is dominated by the ideas intrinsic to structuralism as its ideological predecessor – language, sign, meaning and text. In this regard, it will be reasonable to turn to the ideas of Jacques Derrida, Gilles Deleuze and Roland Barthes, since their theories most vividly present these ideas, especially from the point of view of education philosophy, which is of great interest to us.

Apparently, the main educational message of post-structuralist philosophy is revealed when it is placed against new European Enlightenment perception of an individual as the subject and bearer of reason. The formation of such subject is seen as the process of introducing a person to culture, with education playing the key role in it. It is through learning processes that instincts give way to reason, and nature obeys culture. The main requirement for the human mind is not let in anything that it would not be able to control, and not to perceive as its content anything that was not the result of its self-determination. We, therefore, speak here about autonomous and self-sufficient mind, which has been criticized by the post-structuralists. As we know,

reflection is the main tool of achieving mind's autonomy and self-sufficiency. Reflexive procedures imply that our mind is placed in some central position, the point of totality, for a general review of its own contents. However, for the post-structuralists this point is highly provisional and even fictional. For instance, according to Derrida, this illusion's stability can be explained by phonocentrism, intrinsic to Western European Culture. Mind's pursuit of reflective transparency means expanding the scope of self-accountability and establishing its content in the maximum openness and proximity to itself. Speech and voice turn out to be a convenient form of such proximity, the interiority of the content of consciousness. So, on the one hand, in the flow of speech the signifier (the word's acoustic image) dissolves, bringing to the forefront the signified – thought or concept in their fictitious self-giveness. On the other hand, speaking subjects are affected by their own expressive activity. They believe that the spoken words belong to them and actually never leave them [3: 94-115].

And yet, the point of the mind's external visibility of its content is more of an ideal, than a real outside-being position, which is more in line with a desired goal, rather than an actual result. For Derrida, «... a subject can hear or speak to himself ... and create the sphere of what is not 'his own'» [3:105]. In other words, a person taking a rational reflective stance can also be affected by implicit or unexplicated assumptions. Thus, following Derrida's logic, the meaning of educational efforts and practices lies not simply in replacing sincretic sensory-impulsive vision of the world with the differentiated speculative analysis, but in teaching students the skills of distancing within rational analysis. Here we are talking about the skill of looking behind a rationally constructed picture of the world to find the implicit presuppositions for this construction and understand their variability. One may say that the general purpose of education is to develop the need for and the skill of deconstruction – i.e., reassembling the foundations of cognition.

Moreover, as has already been said, post-structuralist philosophy is connected with the issues of sign, text and meaning. Let us discuss this aspect in more detail, as it is crucial for education. It is commonly known that, according to Ferdinand de Saussure, the language sign consists of two components: the signifier (an acoustic or graphic image of a word) and the signified (a thought or a concept). But while from the linguistic point of view, this unity of the signifier and the signified is a natural, self-evident fact, post-structuralists, such as Derrida, are led by the question of how such unity is possible. One of the answers to this question explored by Derrida was given by Edmund Husserl: the signifier and the signified form a single whole due to their intentionality. Being one of the basic properties of consciousness, intentionality is an act which synthesizes mental content, in this case, the signifier and the signified. As for Derrida, his critical perception of Husserl's theory of signs is due to the logocentrism of the latter. It is commonly known that logos is reason or cognition, and reason attaches meaning to something when it is blended into unity or the whole. It is logos that determines intentional relationships. In fact, according to Husserl, intentional relationships develop as movement from empty to full intentions – i.e., from something uncertain and vague to a definite, full meaning. It looks as if the consciousness was filled with hidden teleology, as if the meaning wanted to express and represent itself in its absolute, exhaustive presence. For Derrida, therefore, Husserl's interpretation of intentional relationships is derived from voluntaristic metaphysics, while the sign concept emphasizing its element of certainty and completeness refers to medieval theology, with God as absolute logos. Derrida's de-absolutization of logos complicates the process of finding meanings, which does not end with the discovery of some unifying unity or structural center in a set of elements. Finding such a center is followed by de-centering – i.e., showing that unifying unity or center occurs due to the cutting off or weakening of some elements (or links between them) in favour of others. So, the meaning is seen by Derrida as the 'identity' which a priori bears a mark of difference, or an 'object' involved in the process of 'becoming the self's other' [3: 50; 4: 445-446].

So, the educational dimension of the fundamental provisions of post-structuralist thought that have been discussed above can be summarized as follows: education is interaction between teaching and personality development, and therefore it should be aimed at cultivating a personality model centered around interpretation which constitutes meaning. At the same time, since post-structuralists see the nature of meaning as being marked by such characteristics as openness and incompleteness, establishing the constitution of meanings in the educational process is not a one-time act. The serial and projective nature of meaning suggests that the latter needs to be regularly recreated by individuals during learning. In this regard, the construction of meanings in the educational process should be seen as the basis for the constant internal movement of students, steadily stimulating their self-development and self-improvement during learning.

Given the increased interest of post-structuralist philosophers to language, let us now discuss some educational conditions which would center education around meanings and students' personalities. In our opinion, the most appropriate environment for creating such conditions is a student-centered learning situation. In education sciences, a student-oriented situation is usually understood as a special educational mechanism by

which a teacher creates for the students some conditions that change the usual course of their life and require some new behaviour patterns from them, which is inevitably accompanied by reflection and rethinking of the existing situation. In general, any generic model of a student-centered educational situation consists of three elements.

The first element is a teacher acting as a psychoeducator. We define the personal and professional position of a psychoeducator through the lens of post-structuralist philosophy. Within its frameworks, a teacher is not eager to reject the student's statements or correct them according to some criteria of a certain official academic language. The teacher's main task is to enable students to speak, and the main thing is to help them understand that they are not independent owners of the language, because socially and culturally programmed ways of using the language are deeply rooted in their speech, both verbal and written. Thus, psychoeducators' mission is to help students to question those connections between the signifier and the signified which seem natural and self-evident to them. A teacher can achieve this by several effective means, 'problematization' being one of them.

Which teacher's actions can be aimed at problematization? In our opinion, it would be misplaced to talk about the only possible problematization tactics. Instead, we should talk about variable strategies built by a teacher. We will list only some possibilities, bearing in mind that they mark the boundaries of possible actions and explorations of creatively thinking teachers. In particular, after presenting a text to the class and taking the students through the 'understanding process', you can offer those who wish to verbalize their understanding (or lack of understanding) to present their own interpretation of the text meaning, thereby inviting the rest of the students to get involved into the process of exchanging meanings through assembling their own positions of understanding. In addition, on the basis of a constructed situation of understanding (or the lack of understanding), the teacher can explicate the situation of posing sharp questions which "afflict the comfortable" and "make them think", creating a classroom context in which the students will clearly see the limitations, incompleteness and imperfection of their positions. And finally, when there are no statements, and when the student feels "unheard and misunderstood", which inevitably leads to the attitude of "I do not know" or "that's the way it was, but I don't care!" [1: 294], a teacher is able to provoke his or her students, for example, by giving them his or her own, rather radical, understanding of a text. Thus, the purpose of using problematization in teaching practice is not only to help students realize their own lack of understanding, but also to promote a thorough and intensive search for other possible means of understanding, which will eventually amplify their own understanding and place them in a position of understanding. It should be noted, however, that as the situation becomes saturated with various semantic positions of the students (formalized or undergoing formalization), the teacher proceeds with the next step, aimed at turning a chaotic, spontaneous and to a large degree fragmentary process of students' expressing their own understanding into a dialogue, opening up the possibility of free exchange and comparison of different positions of understanding. This is how intertextual space is formed, where the students' text-thoughts resonate, collide, and penetrate into each other. «It is impossible to establish any genealogical relationships or center in this textual chaos. As such, the communication of texts takes place not at a certain point, but in a virtual communication space. Communication elements become so - that is, acquire meaning - only at the moment of communication, which, in turn, is created by these elements. Meanings occur within semantic space constituted by meanings themselves» [5: 93].

We see a dialogue between a teacher and students as free and flexible interaction. The teacher does not formulate the problems, leaving it to the students. He or she is not looking for ready-made answers, which means that he or she does not take some objective external stance towards student, but through asking questions begins fitting into the space of student's experience.

Asking questions, the teacher refers to understanding generated by the student - i.e., to the living experience of the subject. With the help of these questions the teacher tries to trigger a strong emotional response in order to strengthen students' attention to certain aspects of their understanding. It requires enormous dialogue-building efforts from the teacher. Repeatedly asking questions, the teacher tries to stimulate the students' thoughts again and again, creating conditions which will help students to recapture what has already been experienced, to make a stop, to abandon the existing self and return to the point of void and uncertainty which can become the starting point for recreating the new understanding of meaning. In other words, psychoeducators help students move towards their creativity, and therefore shows them the way to a new experience.

Therefore, the second element of the student-centered educational situation is an interpreting student. Such subject is characterized by readiness to open a dialogue with the Other and, which is even more important, to go beyond the limits of one's native language into the sociocultural space of another language.

The internal need for language as a means of self-actualization and self-expression encourages interpreting students to supplement texts and breathe life into them through their own understanding.

Finally, the third element is text itself, as a procedural means of constituting situations of understanding. At the same time, it is necessary to take into account how the term 'text' is defined by post-structuralists, in particular, by Roland Barthes. This French philosopher once drew a line between between 'text' and 'work.' According to Barthes, work is a set of signs fixed within space. It can be a book, a painting or a movie. In each of these cases we are talking about some tangible piece, localized in one or another part of space. Text, on the contrary, is not a real, but an ideal semantic structure, which exists only in the process of its generation and subsequent perception. The latter suggests that text cannot be isolated from the stream of meanings emanating from the reader, and that the reader's interpretation of text cannot be separated from the author's intentions. This brought Barthes to one of his most famous ideas - the idea of the 'death of the author.' «The author is reputed the father and the owner of his work ... as for the Text, it reads without the inscription of the Father.., it is not that the Author's ghost may not 'come back' in the Text, in his text, but he then does so as a 'guest'» [2: 415]. Therefore, creating a personality-oriented situation means initiating a student's meeting with text as a culturally marked and dynamically transforming field of meanings.

Suffice it to say that such students' 'encountering' a text will not always lead to an unequivocal interpretation of meaning. It is reasonable to assume the possibility of various interpretations of the text. It is quite possible that some students will discover their own meanings and connotations in the text, while some will perceive the text from a single perspective, grasping the basic meaning and losing the diversity of possible connotations, and others will not be able to decipher the meaning of the text. Such difficult and contradictory conditions will require from a teacher to take a number of steps to amplify the student's understanding of the problem situation, which is contained in the text, or recognizing his or her lack of understanding. As has already been mentioned, teacher's movement in a specified direction should be driven by problematization as a special effort (of a teacher) aimed at identifying contradictions in the content of statements, methods of work and demonstrated goals (of a child) and building a personally meaningful problem situation (for a child). Therefore, teacher's problematization actions should be aimed at helping the students to assume a reflexive stance towards their own understanding and awareness of what was left beyond the boundaries of the understood. "Without it, – as A. Yu. Shemanov, who reflects on the problems of modern education, notes, – it turns out to be impossible for a student to develop an existentially responsible interest to the true knowledge [7]. Situations of misunderstanding are rather productive, since they prompt people's search for meaning. According to Vladimir Zinchenko, the points of people and culture development and growth, as well as the knowledge driving force lie within the opposition between understanding and misunderstanding [11: 43].

Finally, another aspect worth mentioning is that in order to assure the development of subject's interpretation skills through education process one should not only practice interpretation of texts, but also perceive the education process as a kind of text or narrative. Here we once again face the post-structuralist idea that language used in one's life is not just a neutral means of expressing thoughts or ideas. Language is active, and what is being said depends on the narrator. In order to understand education as a narrative one should turn to the ideas of an American philosopher Hayden White.

In 1973, White published his *Metahistory*, which is usually associated with a postmodernist linguistic shift in historical science [10]. It is commonly known that the task of historians is to study, describe and explain the past. Obviously, they can do this only indirectly, through historical sources or documents. At the same time, empirical data delivered by the source are not some ready-made entities, in which one needs to 'find', 'identify' or 'reveal' a story. Rather, they represent what can be called 'raw' material that requires semantic organization and alignment. The tools for organizing the events into a single plotline are determined by the language. In particular, White draws attention to the fact that since history unfolds as a narrative, certain models called narrative mode of representation form the basis for organizing events into a coherent story. Literary studies provide us with four such modes: novel, comedy, tragedy and satire. Therefore, the form and the meaning of a described event depend on the mode chosen by a historian.

We believe that education may well be considered an example of a phenomenon whose functioning is associated with narrative structures. Novel seems to be the primary narrative mode in terms of which education is understood and reproduced. Novel is a dramatic conflict of two forces – the fight between good and evil, the light side and the dark side. Moreover, good always defeats evil, and the light forces are always liberated from the dark forces. Indeed, since the ancient times, as evidenced by Plato's *Allegory of the Cave*, education has been seen as an enlightening and liberating force. In the modern era, this notion becomes an essential element of so-called 'cultural narrative' telling a story of 'become a man.' One particular point is that the insufficiency and incompleteness of human beings are eliminated through their exposure to culture and through immersion

in the learning process, which asserts the primacy of knowledge and reason over sensual inclinations and instincts.

Basically, new European narrative still dominates the educational space, however, in the mass consciousness it is just a description of some external givenness, while in a philosopher's mind it is an act of constructing given reality on the basis of certain presuppositions. The main presupposition is seeing a teacher as a source of pure truth, free from any subjectivity. These presuppositions derive from the historically formed classical idea of scientific rationality as an objective reflection of reality, free from prior beliefs. Meanwhile, modern epistemological research challenges the possibility of scientific knowledge to provide an objective description, abstracted from the specific subject [8]. Laboratory science has demonstrated more than once that arguments and discussions are indispensable attributes of academic communication. Such discussions would not be necessary, if the criteria for empirical data reliability were established in advance, but these criteria are developed through discussions, together with the notion of the studied object's specific features.

There is one more important aspect. The laboratory helps not only to see the specific characteristics of the studied object, but also to understand the language used for describing this object. This language can undergo major changes when we move from laboratory protocols, journals and records to scientific reports and publications. Researchers say that usually those choices and decisions that guide the cognitive activities in the laboratory result from a broad and often quite random variety of circumstances (for example, a set of certain instruments or chemicals currently present at the laboratory, substances which can replace the missing materials, etc.). However, when readers turn to scientific texts, they enter a peculiar world, totally different from the laboratory microcosm: the sequence of procedures included into a scientific publication differs from the one which took place in the laboratory (with some links omitted and some elements rearranged), and the result looks as if it was reached along some straight trajectories that do not contain any choice points or problematic zones. Therefore, when we turn a research materials into a written text, contextuality and situationality, characteristic of the laboratory cognitive activities, disappear. Such decontextualization is most clearly seen in the model of knowledge moving from laboratory records and protocols to and academic publication. One crucial element of laboratory protocols and manuals is recording the workflow of experimental operations, reflecting the experience of several generations of researchers working in this particular laboratory. At the level of academic publication, this set of research traditions, making up a local experimental culture, is absent" [9].

Generally, in the light of all the above-mentioned factors, it is necessary to point out that a psychoeducator fits the educational environment better than a teacher as a lawmaker and regulator. Reflexive skills are crucial for psychoeducator's professional development, as evidenced, for example, by the widespread western practice of teachers' compiling Professional Development Portfolios (PDPs) [6]. PDP is a kind of diary where a teacher describes and analyzes his own teaching activities. Such PDPs are highly valuable, as they demonstrate the presuppositions used 'by default' by teachers in their professional capacity. This background includes models and images of an ideal teacher, student, and the process of pedagogical interaction between them. As a rule, these models and images are not the reflections of some universal predefined features of human nature, but the constructs which preform this nature through certain social, cultural, and ideological conditions and factors. As a result, teachers' awareness of their connection with the sociocultural and ideological context to which they belongs contributes to the formation of skill enabling them to perceive personalities in the deconstruction mode. Deconstruction implies understanding the artificialness (or artifactuality) of human nature, as well as the variability of foundations for this artifactuality. Thus, deconstruction teaches us sensitive perception and openness to the other, which brings dialogue and tolerance to the forefront of the education process.

Speaking about Professional Development Portfolio (PDP), it is important to mention one more thing. Self-reflection stimulated by such PDP can sometimes be rather painful for a teacher. Indeed, reflection, especially when it is carried out without using ready-made patterns or samples and reveals one's previously unknown sides, can cause contradictions, uncertainty and insecurity. At the same time, the ability of a subject to face such inconsistencies when discovering his or her new self (or 'oneself-as-another') is an integral part of the ability to participate in dialogues and one's openness to the new, surprising and unexpected.

REFERENCES

1. Bahtin M. M. The aesthetics of verbal creativity. Moscow, 1979. 445 p. (In Russ.)
2. Bart R. Selected works. Semiotics. Poetics. Moscow, 1989. 615 p. (In Russ.)
3. Derrida J. Voice and Phenomenon: Introduction to the Problem of the Sign in Husserl's Phenomenology.

St. Petersburg, 208 p. (In Russ.)

4. Derrida J. Writing and Difference. Moscow, 2000. 495 p. (In Russ.)
5. Dyakov A.V. Decentralization of subject and a glide of a sense: About the possibility of non-centered model of a subjectivity // Tambov University Review. Series: Humanities. 2006. Vol. 1 (41). p. 92-96. (In Russ.)
6. Mercieca D. P. Engaging with Student-Teachers on Reflective Writing: Reclaiming Writing // Social Theory and Education Research: Understanding Foucault, Habermas, Bourdieu and Derrida, 2013. London. P. 200-212.
7. Shemanov A. Yu. Reflexivity of cultural forms and problems of education // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2008. Vol 6. P. 76-82. (In Russ.)
8. Shipovalova L. V. Scientific objectivity as a problem of the subject. St. Petersburg, 2014. 285 p. (In Russ.)
9. Volkov A. V. The human dimension of scientific knowledge. Petrozavodsk, 2012. . 274 p. (In Russ.).
10. White H. Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe. Ekaterinburg, 2002. 527 p. (In Russ.)
11. Zinchenko V. P. The Work of understanding // Psychological science and education. 1997. Vol. 3. P. 42-52 (In Russ.)

DECONSTRUCTION AND EDUCATION

**VOLKOVA
SVETLANA**

*PhD in Philosophy,
Professor of the Department of philosophy and cultural
studies,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation,
svetavolkov@yandex.ru*

Keywords:

deconstruction
supplement
interpretation
education
foreign language
meaning
person

Summary:

The study is a contribution to the development of the philosophy of education. The author aims to articulate more explicitly the educational potential of poststructuralist's philosophy from the perspective of teaching a foreign language (English) at school. The author's English teaching experience has provided an empirical basis for the study. Starting from the basic ideas of Derrida, Deleuze and Barth, the author shows that the practice of teaching English should be aimed at cultivating a person as a source of meaning-making activity. The article demonstrates that this personality model is realized by creating a person-oriented situation in the learning process, that includes a psycho-education teacher, a student-interpreter, and text as a sociocultural phenomenon. This educational model based on the principle of interculturalism and aimed at students' searching for and generating meanings in the learning process meets the person's essential needs for self-understanding and self-expression.

УДК 123.1; 340.12

МЕРА И ГРАНИЦЫ СВОБОДЫ

ПИВОВЕВ
Василий
Михайлович

*доктор философских наук,
профессор кафедры общеправовых и гуманитарных
дисциплин,
Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста РФ),
Петрозаводск, Российская Федерация, pivoev@mail.ru*

Ключевые слова:

свобода
мера
инстинкты
душа и дух
морфология свободы
воля (мотивация) к свободе
(те-лесная и духовная)
мера и границы свободы

Аннотация:

Что побуждает человека к свободе и в то же время ограничивает эту волю? Можно ли говорить о мере свободы, и если можно, то какими мерами ее можно измерить? Речь может идти не о рационально-количественных мерах, о об иррационально-аксиологических. Эта мера варьируется в диапазоне от абсолютной свободы, чреватой анархией и деструктивностью, до полного подчинения и рабства, на основе осознания нормативных границ необходимости и возможностей: энергетических, правовых, моральных, деонтологических и др. Количественная мера свободы может быть определена на основе «золотой пропорции».

© 2023 Петрозаводский государственный университет

Получена: 29 мая 2023 года

Опубликована: 29 мая 2023 года

Введение

Проблема свободы относится к числу особенно важных для понимания сущности человека. Этим обусловлено огромное количество попыток рассмотреть эту тему с разных точек зрения, которые невозможно перечислить. Можно ли говорить о свободе с точки зрения «меры»? Можно ли ее измерить? Если да, то какой мерой? Конечно, не рационально-количественной, но лишь иррационально-аксиологической (эмоциональной). При этом необходимо учитывать морфологию свободы: позитивную (для) и негативную (от); деструктивную и конструктивно-творческую; телесную (физическую) и духовную; бессознательную и сознательную (целесообразную); пассивную (лень) и активную (продуктивную); потребительскую и благотворительную.

Проблема свободы многогранна, ее можно рассматривать в следующих планах:

- свобода воли;
- свобода действия;
- свобода выбора;
- свобода желания (хотения);
- свобода тела и свобода от тела;
- свобода и принуждение (причинение);
- воля к свободе.

Среди них выделяются свобода физическая и духовная. Первая имеет источником так называемый «рептильный мозг» и эгоистичные инстинкты выживания, направленные на обеспечение безопасности и благополучия тела. Легко заметить, что такая свобода чревата деструктивностью и может стать источником различных форм зла. Вторая связана с потребностями социально-духовного развития во взаимодействии с социумом.

Особенно много вопросов возникает в связи с проблемой меры (или степени) свободы. Свобода от

произвола чиновников, необоснованного ареста, ущемления прав; свобода для творчества, самореализации, производства, потребления, передвижения, слова, печати, собраний и митингов. Свобода делать все, что заблагорассудится, что не запрещено законом.

По мнению Т. Гоббса, любое изменение в мире вызвано движением вещества, обусловленного давлением и толчком соприкоснувшихся тел. Жизнь человека – это цепь механических процессов, источником которых служат достаточные материальные причины. При столкновении разных причин победу одерживает более сильная.

Супранатуралистический детерминизм связан с учением о воле Божией, которое изложил Мартин Лютер в трактате «О рабстве воли» в споре с Эразмом Роттердамским. По убеждению Лютера все события в мире предопределены Божьей волей. Свобода чревата гордыней, соблазном самоутверждения через свободное творчество, доступное лишь Богу.

Представления о психологическом детерминизме придерживался Т. Липпс, который разделял представление о причинности, причем к причинам он относил и «хотение» индивида, и «мировой дух». Свободой он считает поведение, источником которого являются собственные мотивы индивида, или «внутреннюю причинность». Говоря иначе, «человек свободен в той степени, в какой он сам является виновником своих поступков» [12; с. 346].

Главный недостаток детерминизма, по мнению Н. О. Лосского, – отрицание положительного понятия свободы. С большими оговорками детерминистами допускается лишь отрицательная и относительная свобода [14; с. 42].

Размышляя о границах свободы, либеральный философ Джон Стюарт Милль сформулировал тезисы, что «единственная цель, ради которой сила может быть правомерно применена к любому члену цивилизованного общества против его воли, – это предотвращение вреда другим» и «всякий человеческий поступок есть результат сочетания мотива и эмпирического характера данного человека» [14; с. 56]. При этом воля не зависит от причинности (поскольку причинность проявляется лишь в материальном плане), поэтому она (воля) свободна. Но С. А. Левицкий полагал, что «абсолютная свобода есть возможность всего» [11; с. 84]. Реализацию свободы он связывал с проблемой возможности, которую он делил на субъективную и объективную. Субъективная возможность воплощается в предположениях и прогнозах перспектив развития событий. Объективные возможности – это реальный выбор известных нам перспектив. При этом объективная возможность может быть двух видов: логическая и онтологическая. Первая возникает согласно логической непротиворечивой обусловленности, вторая – потенциальная возможность, которая может стать реальной. «Свободой, – писал А. Бергсон, – называется отношение конкретного я к совершаемому этим я акту. Это отношение неопределимо именно потому, что мы свободны. В действительности анализировать можно протяженность, но не длительность. Если же их все-таки пытаться проанализировать, то развитие при этом бессознательно превращается в вещь и длительность в протяженность. Стремясь только разложить конкретное время на части, тем самым уже разворачивают его моменты в однородном пространстве; на место совершающегося факта ставится уже совершившийся факт, и благодаря такому сгущению активности моего я спонтанность разрешается в инертность, свобода в необходимость. Вот почему всякое определение свободы должно привести к детерминизму» [3; с. 557–558].

В английском языке, на котором писалось международное право, свобода толкуется не однозначно, а во взаимосвязи трех аспектов: сначала диаметрально противоположные *freedom* и *liberty*. Для созидательной, упорядочивающей и организующей деятельности – *freedom* (ключевое слово – «должен»), для анархически-разрушительной свободы – *liberty* («хочу»). Но для обеспечения свободы необходима *possibility* («возможность»).

Государству нужны законопослушные, дисциплинированные, исполнительные граждане, а обществу – творческие, инициативные, свободные люди. Когда эти потребности в равновесии – то все хорошо, обеспечивается стабильность и развитие. Но если происходит нарушение в пользу чрезмерной роли государства, то рано или поздно в обществе рождается и зреет протест, приводящий к бунту и взрыву. В. фон Гумбольдт писал: «истинный разум не может желать человеку никакого другого состояния, кроме того, при котором не только каждый отдельный человек пользуется самой полной свободой, развивая изнутри все свои своеобразные особенности, но и физическая природа обретает в руках человеческих ту форму, тот образ, который произвольно придает ей каждый человек в меру своих потребностей и наклонностей, будучи ограничен только пределами своей силы и своего права» [6; с. 33]. С другой стороны, если государство слишком слабо и допускает гражданам слишком много «свобод», то растет преступность и анархия. «Русскому человеку, – писал Б. Н. Чичерин, – невозможно становиться на точку зрения западных либералов, которые дают свободе абсолютное значение и

выставляют ее неперенным условием всякого гражданского развития» [22; с. 29]. Поэтому важнейшая задача философии права – определить меру этого равновесия.

Большой интерес к проблеме свободы проявляли романтики, которых подтолкнула к этому Французская революция, также пытавшаяся найти практический ответ на вопрос о сущности и границах свободы. Как показала практика, в физической жизни потенциал свободы ограничен, поэтому романтики стали исследовать, испытывать возможности проявлений свободы в сфере духа, поэтического и музыкального творчества. При этом обнаружился разрыв между эстетической свободой и нравственностью, ибо наиболее свободными героями в произведениях романтиков оказались тираны, пираты и сам Сатана. Романтическая эстетизация зла обернулась в XX в. зловещим «стальным романтизмом», «поэзией» мотоциклов и пулеметов (Ф. Маринетти) и гитлеровскими фабриками смерти.

Вопрос о мере свободы связан с двумя проблемами: во-первых, каковы границы свободы; во-вторых, каковы единицы измерения параметров свободы. При первом приближении на вопрос о мере свободы самый простой ответ такой – право есть мера свободы. То есть свобода одного человека не может ущемлять прав другого человека на свободу. Но такой ответ не исчерпывает проблемы, остаются вопросы: что влечет человека к свободе и к несвободе? не является ли свобода лишь иллюзией? является ли воля бессознательной или осознанной? зачем нужна свобода? где истоки соблазнов свободы и несвободы? каковы мера и границы воли и свободы? каковы границы контроля государства за жизнью граждан?

Результаты исследования и их обоснование

Воля к свободе имеет два источника: 1) бессознательный инстинкт, требующий удовлетворения насущных потребностей индивида вне зависимости от возможных препятствий; 2) сознательное усилие по достижению определенных целей в соответствии с планом и важнейшими смыслами существования.

Психологи под силой воли понимают внутреннюю энергию, которая проявляется в способности отказаться от соблазнов, в умении сдерживать инстинктивные реакции, не допускать импульсивных необдуманных поступков. Волевое действие включает в себя осознанные цели, согласованные общими смысловыми установками, выбор путей, способов и средств их достижения, преодоление препятствий на пути к ним, оценку результатов и корректировку дальнейших действий.

Сила воли опирается на характер, сформировавшийся под влиянием наследственных качеств, воспитания в семье и самовоспитания. Родители должны помочь ребенку выработать потребность и способность формирования и накопления волевой энергии, а также форм ее реализации: инициативность, дисциплинированность и ответственность (за возможные последствия реализации инициативы).

Воля есть функция субъекта «я». У человека можно обнаружить двух субъектов два субъекта?: во-первых, это телесный субъект в виде нервной системы, функционирующий на основе программы инстинктов («душа тела»); во-вторых, духовный субъект («душа духа»), воплощающий сознание и самосознание. Они решают взаимосвязанные, хотя и не всегда совпадающие задачи, что может привести к конфликтам между волевыми импульсами и мотивами поведения. Тело может требовать одного, сознательный субъект – другого (иногда противоположного).

Волю психологи подразделяют на:

- *Естественную* – произвольную (спонтанную, анархическую), ведущую к устранению любых препятствий при реализации своих потребностей и прихотей.
- *Свободную* – сознательное управление собственной энергией для реализации поставленных задач, смыслов и целей существования.
- *Необходимую* – вынужденную мобилизацию всех сил на преодоление экстремальных обстоятельств.

Различие воли и свободы показано в таблице 1.

Таблица 1

Воля	Свобода
Целеустремленная духовная (психическая) энергия	Спонтанная духовная энергия
Источник хотения – потребность	Источник свободы – воля
Самомотивация, целеполагание	Произвольность
Самоконтроль	Бесконтрольность
Самоуправление, подчинение	Отрицание причинности
Исполнение, выполнение предписанного действия	Действие: творчество и разрушение

Свободой полагают право и возможность выбора способов и целей деятельности в диапазоне

между двумя крайностями: 1) причинная детерминированность и подчинение чужой воле (рабство); 2) полный произвол и спонтанность в реализации своих желаний (анархия).

Дж. Милль задавал вопрос о пределах власти общества и государства над индивидуумом. Если человек ведет себя не считаясь с интересами других, проявляя «жестокосердие, злонамеренность, злословие, зависть – самая антисоциальна и самая гнусная из всех страстей, скрытность и неискренность, раздражительность без достаточного основания, мстительность, несоответствующая причиненному злу, страсть господствовать над другими, желание захватить себе большую долю благ, чем какая следует, πλεονξιασ (чрезмерная) гордость греков, находящая удовольствие в унижении других, эгоизм, которая себя и свои интересы ставит выше всего и все сомнительные вопросы решает в пользу своих интересов, – все это суть нравственные пороки, которые образуют дурной, ненавистный нравственный характер» [17; с. 357]. В таких случаях общество вправе применять к такому человеку меры социального осуждения и «остракизма», отказывая ему в уважении и признании.

Таким образом, Дж. Милль предложил два правила по отношению к поступкам и поведению индивида: «1) индивидуум не подлежит никакой ответственности перед обществом в тех своих действиях, которые не касаются ничьих интересов, кроме его собственных. Советовать, наставлять, убеждать, избегать сношений, когда признает это нужным для своего блага, – вот все, чем общество может в этом случае справедливо выразить свое неудовольствие или свое осуждение; 2) в тех действиях, которые вредны для интересов других людей, индивидуум подлежит ответственности и может быть справедливо подвергнут социальным или легальным карам, если общество признает это нужным» [17; с. 372].

3. Бауман выделяет два класса ограничений свободы: 1) внешние ограничения со стороны государства; 2) «внутренние», связанные с моральными, культурными традициями, идейными установками и привычками [2; с. 19]. При этом возникает вопрос: является ли человек собственностью государства? Такая постановка вопроса считается некорректной, обычно акцент делается на долге гражданина по защите своего Отечества и исполнению других обязанностей. На этот вопрос одни отвечают, что государство «владеет» человеком именно посредством морального, гражданского и правового долга. Границы и мера такого подчинения индивида государству определяются законами. Другие же, например, либертарианцы, утверждают, что человек имеет право на полную свободу от государственного «насилия», поскольку жизнь человека (его тело) принадлежит только ему, индивиду? Можно также вспомнить по этому поводу идеи Л. Н. Толстого о сопротивлении насилию в любых формах.

Оба полюса чреватые негативными последствиями, поэтому в реальном существовании индивид ищет какой-то промежуточный вариант, считаясь с этими крайними границами свободы. Определенное влияние на эти ограничения оказывают правовые, нравственные и религиозные нормы. Так, ислам рекомендует своим адептам максимальное подчинение «воле Аллаха». Католическая церковь налагает значительно меньшие ограничения на свободу своих верующих. Еще слабее ограничения в православной религии. В протестантских конфессиях этот вопрос решается не столь однозначно. Одни богословы (М. Лютер, Кальвин) «планку ограничений» подымали очень высоко, другие же ограничивались доверием внутренним религиозным убеждениям («оправдание верой»). Свобода существует не вне сферы причинности, но в преодолении причинных зависимостей.

При осмыслении свободы важное значение имеет вопрос об ответственности, включающей три условия: 1) осознанное намерение; 2) осознание последствий и свободный выбор; 3) исполнение деяния, повлекшее наступление последствий позитивных или негативных для общества [5; с. 17]. Если эти условия являются необходимыми и достаточными для определения ответственности, то разумно ли говорить об ответственности за мысль? Можно ли мысль как феномен субъективной реальности считать преступлением? Правомерно оценивать ее так лишь тогда, когда она озвучена или записана и стала достоянием публики. При этом она (эта мысль) стала деянием, стала объективной реальностью.

Детерминизмом называют однозначную причинную предопределенность всех событий, которая не допускает свободного произвола воли субъекта действий. Но тогда снимается ответственность и вина за последствия деяний. «Физикализм – это убеждение в том, что у всех событий в мире есть только физические причины, а событийный каузализм – тезис о том, что причинами событий могут быть только другие события. Детерминизм исключает альтернативные возможности, физикализм – ментальную каузальность, а событийный каузализм – связь личности и действия. Три эти философские концепции, как может показаться, подрывают условия реализации свободы и ответственности» [5; с. 338].

Побуждение к свободе может быть:

– инстинктивное (бессознательное): инстинктивная, бессознательна воля реализует программу

«рептильного мозга», подчиненная задачам обеспечения безопасности и благополучия того тела, в котором она, эта воля «обитает» или действует;

- реактивное (ответ на препятствия и стимулирующее воздействие);
- осознанное (целесообразное).

Тело человека детерминировано инстинктивной причинностью, при которой свободе для адаптивности оставлен минимальный простор. Душа более свободна, она ограничена лишь социальными нормами ответственности, морали и права. Максимально свободен дух, который подчиняется только Богу (о чем писал Гегель). При этом в разных религиозных учениях степень подчинения не одинакова. Максимальный уровень принят в исламе, минимальный – в протестантизме. Почему свободный выбор вероисповедания называют «свободой совести»? Такой обычай возник с определением совести как «голоса Бога в душе» человека.

Детерминизм не учитывает мотивационного значения долженствования. Как справедливо указывал Н. О. Лосский, «то, что я признал своим долгом, может противоречить строю общества, в котором я живу, и даже окружающей меня материальной природе; тем не менее, считая себя существом свободным, не поддаюсь природе и во имя долга стремлюсь всеми разумными способами творчески преодолеть строй сущего. “Ты должен, значит, ты можешь”, вот замечательный афоризм, в котором Кант выразил господство долга над действительностью, превосходство идеала над природой. Такое понимание долга предполагает свободу» [14; с. 43].

Последовательность действий (поведения и деятельности при удовлетворении потребностей) человека включает следующие ступени: потребность – мотивация – интерес – поисковый вопрос – осмысление – определение цели – выбор способов и средств – действие – контроль результатов и следствий (корректировка при необходимости).

Среди условий свободного выбора необходимо выделять «необходимость (потребность) и «возможность». Об этом писали стоики: нужно различать то, что от нас зависит и то, что от нас не зависит. С первыми феноменами мы можем справиться, они в сфере наших возможностей и мотивационного выбора. Вторые же – вне нашего контроля, их нужно смиренно (или мужественно) принимать, подчиняясь их причинному принуждению.

Арабский теолог и философ Абу Хамид ал-Газали обнаруживал в разуме четыре основания: во-первых, «это то качество, которым человек отличается от всех животных, с его помощью человек подготовлен к восприятию умозрительных наук и знаний, к овладению сложными мыслительными ремеслами»; во-вторых, «это те знания, которые проявляются в существе ребенка, различающего возможность возможного и невозможность невозможного, как, например, знание того, что два больше, чем один, или что человек не может находиться одновременно в двух местах»; в-третьих, «это знания, которые черпаются из опыта в том, как протекают ахвал[1]. Того, кто научен опытом и жизнью, называют обычно разумным; про того, кто этим не отличается, говорят: дурак, неопытный, невежда. Это другой вид знаний, который тоже зовется разумом»; в-четвертых, «сила этой способности завершается тем, что человек познает последствия действий, подавляет в себе желание, зовущее к скоротечным наслаждениям. Обладающий такой способностью зовется разумным, так как его смелость или воздержанность связаны с предугадыванием возможных последствий, а не вызваны быстротечными страстями. Этим качеством человек также отличается от всех животных» [1; с. 92–94] Первые два – природные, остальные – приобретенные в опыте. Именно эти качества позволяют делать разумный свободный выбор в жизненных ситуациях.

Вместе с тем Г. Лотце обратил внимание на важную особенность души человека, которая «наделена той счастливой непоследовательностью, что способна бесподозрительно держаться в одно и то же время двух разных мысленаправлений, не ощущая того противоречия, к какому придут они напоследок, не всегда, конечно, в очевидной близости» [15; с. 307]. Аксиологические отношения у Лотце имеют ориентацию на «вечное» и на чувство «внутренней ценности»: «Если эти попытки нашего духа объяснить себе мир форм из мира внутренних ценностей соответствуют воспроизводящей деятельности фантазии, которая силится воссоздать действительность из ее же собственной красоты, как художественно-зигдущей силы, то рядом с художественным порождением прекрасного становится и нравственно деятельный разум» [15; с. 309].

Система важнейших ценностей не всегда полностью осознается, но оказывает нередко решающее влияние на выбор. Такое воздействие мы называем «аксиологией, логикой ценностной обусловленности, которая объясняет работу творческого воображения исходя из сопоставления опыта, накопленного в памяти материала, системного осмысления мира и ценностных установок, целей и смыслов жизни и деятельности человека, которые оказываются «фильтрами предпочтения»,

влияющими на работу воображения. Аксиологика является некаузальной логикой, потому что в ней отсутствует однозначная детерминация. Здесь смысловая ткань многомерна и участвуют целостные духовные явления. Нами предложен существенно иной подход к пониманию логики воображения, связанный с системой ценностных ориентаций человека, обозначенный термином «аксиологика» или «логика ценностной обусловленности», принципиальное отличие которой от обычной, формальной логики заключается в том, что она может «не замечать» противоречий, поэтому один из важнейших законов аксиологии – «отождествление желаемого с действительным» в соответствии с потребностью в иллюзиях.

Как справедливо полагали Н. А. Васильев [4; с. 53–81] и польский логик Я. Лукасевич [16; с. 190–205], двузначность формальной логики не всегда может адекватно описать свободный выбор. В дополнение к альтернативе «да/нет» нередко появляется третий вариант – «возможно», «вероятно». Чем обусловлен третий путь? Недостатком информации, парадоксом «буриданова осла», аксиологией, изменяющимися обстоятельствами, моральными или религиозными мотивами, угрызениями совести и т. п. Значение аксиологии в решении проблем свободы обусловлено:

- инстинктивной волей;
- сознательной волей;
- интуитивной волей;
- аксиологически обусловленной волей (смысл и цели);
- подчинением долгу.

Н. О. Лосский указывал на три точки зрения на свободу воли: 1) отрицательную («отсутствие зависимости какой-либо деятельности или деятеля от какого-либо условия»); 2) относительную (свобода в одном отношении и несвобода в другом); 3) положительную (Гоббс: свобода хотения и свобода действия) [14; с. 8–9]. Он сравнивал три вида детерминизма: материалистического, психологического и супранатуралистического [14; с. 23]. Как показывают исследования психологов, отрицание свободы воли провоцирует агрессивность и ослабление чувства ответственности за совершаемые проступки [5; с. 342].

Другая проблема связана с искушениями несвободы. Английский социолог Р. Дарендорф рассматривал в своей книге «Соблазны несвободы» поведение известных (публичных) интеллектуалов в кризисные периоды XX века. При этом он выделил две группы. Одни из них не смогли устоять перед лицом опасностей и пожертвовали своими убеждениями, покупая тем самым себе относительную защищенность. Другие, следуя примеру Эразма Роттердамского, предпочли рискнуть, защищая и сохраняя свободу убеждений и принципов. Таких Дарендорф называет «эразмийцами» [8; с. 6]. В числе первых он называл М. Хайдеггера, для которого «соблазн национал-социализма» был связан с надеждой на то, что он поможет спасти и возродить немецкую нацию. Об этом он говорил, вступая в должность ректора: «Немецкая действительность должна быть полностью изменена национал-социалистическим государством, вследствие чего весь наш прежний способ понимать и мыслить также сменится другим... Три вида связей – через народ, с судьбой государства в духовной миссии – для немецкой сущности *равнозначны*. Три возникающих отсюда служения – трудовое служение, воинское служение и служение знания – равно необходимы и равно почетны... Сам фюрер, и только он, есть сегодняшняя и будущая немецкая действительность и ее закон. Учитесь все глубже сознавать, что отныне любое дело требует решимости и любой поступок – ответственности... *Мартин Хайдеггер, Ректор*» [8; с. 26–27, 67]. Дарендорф дает такое объяснение мотивам «соблазнов несвободы»: «...банальное послушание, иногда – верность присяге, а чаще всего – обычный страх». К этому можно добавить – политические иллюзии и наивность.

Воля к свободе связана с желанием освободиться от власти инстинктов, от воли бессознательной. Но откуда берется воля к некрофилии и деструктивности? Э. Фромм заметил, что чем ниже уровень животного, тем в большей степени его приспособление к природе и вся деятельность определяется механизмами инстинктов. Ребенок после рождения еще долго сохраняет связь с матерью: материально (питание молоком), психически и духовно. Он искренне считает, что он – «центр мира». Но в какой-то момент возникает кризис, обнаруживается, что не все его желания мать выполняет, многое запрещает, контролирует. Следующий кризис связан с осознанием своей отдельности, индивидуальности и невозможности получить от окружающего мира то, на что претендуют его желания и потребности. Ему кажется, что никто его не понимает, не любит, он никому не нужен. Возникает выбор: или подчинить окружающих себе, или подчиниться.

Бегство от свободы обусловлено страхом ответственности за последствия свободных действий. Фромм указывал на такие способы «бегства от свободы»: 1) авторитаризм (садизм и мазохизм); 2)

разрушительность (в т. ч. зависть); 3) конформизм. Он выделял три варианта садистских проявлений. Первая реализуется в стремлении поставить других людей в зависимость от себя, подчинить их и приобрести над ними полную и неограниченную власть, превратить их в свои орудия и манипулировать их поведением. Второй тип не ограничивается приобретением власти, но стремится эксплуатировать и обкрадывать их (в материальном и духовно-интеллектуальном смыслах). Третий – выражается в запугивании, унижении, оскорблении, причинении страданий другим людям и получение удовольствия от этого.

Груз ответственности не каждый может вынести, другое дело, если кто-то снимет его с человека. В философии романтиков была предпринята попытка отрыва эстетического от нравственного, снятия ответственности с помощью иронии и игры. Это принцип использовал Гитлер, внушая своим приспешникам – «действуйте, а ответственность я беру на себя», и человек с готовностью становился палачом и убийцей. Другими средствами освобождения от груза ответственности служат алкоголь и наркотики. Так, украинские солдаты по приказу Зеленского шли в бой, предварительно приняв дозу наркотического дурмана и не думая об опасности и ответственности за совершаемые преступления.

Как заметил Э. Фромм, «человек – даже если он субъективно искренен – зачастую подсознательно руководствуется совсем не теми мотивами, которые сам он считает основой своего поведения: он может воспользоваться какой-либо концепцией, имеющей определенный логический смысл, но для него – подсознательно – означающей нечто совершенно отличное от этого “официального” смысла. Более того, мы знаем, что человек может пытаться устранить противоречия в своих чувствах с помощью идеологической конструкции или прикрыть подавляемую им мысль такой рационализацией, в которой выражается прямо противоположная идея» [21; с. 80)]. Влияние системы ценностей и убеждений не всегда осознается, но оказывает влияние на его поступки. Это мы называем «аксиологией».

Эгоизм связан с завистью и комплексом неполноценности, заставляющим человека ограничивать круг потребностей и средств их удовлетворения. Как писал Э. Фромм, «эгоизм – это не любовь к себе, а прямая ее противоположность. Эгоизм – это вид жадности, и, как всякая жадность, он включает в себя ненасытность, в результате которой истинное удовлетворение в принципе недостижимо. Алчность – это бездонный, истощающий человека колодец; человек тратит себя в бесконечных стараниях удовлетворить такую потребность, которая не удовлетворяется никогда. Внимательное наблюдение показывает, что эгоист, хотя он всегда усиленно занят собой, никогда не бывает удовлетворен. Он всегда беспокоен, его постоянно гонит страх где-то чего-то недобрать, что-то упустить, чего-то лишиться; он преисполнен жгучей зависти к каждому, кому досталось больше» [21; с. 126–127].

Авторитаризм как садомазохистская форма бегства от свободы включает в себя и потребность подчинения «вышестоящему» носителю власти, и приобретения власти над «нижестоящими». Перед первыми он испытывает мазохистское наслаждение от «пресмыкательства», по отношению ко вторым – садистское удовольствие от их унижительного положения.

В процессе трансформации идентичности реализуется противоречивая программа свободного самоопределения, но в пределах стандартных форм, подражая которым подросток усваивает ценности референтной группы, сохраняя минимальную долю индивидуальности в самовыражении. Дж. Милль поддерживал идею В. фон Гумбольдта, что для развития индивида необходима личная свобода саморазвития и разнообразие положений. «Различные люди требуют и различных условий для своего умственного развития, и если, несмотря на свое различие, будут все находиться в одной и той же нравственной атмосфере, то не смогут жить здоровой жизнью, точно также как не могут все различные растения жить в одном и том же климате» [17; с. 347]. В защиту либерализма он приводил такое рассуждение: «Общей тенденцией, которая привела к тому, что мнение масс, состоящих из срединных людей, повсюду сделалось или делается господствующей властью, – этой тенденции должна, по-видимому, противодействовать все более и более резко обозначающаяся индивидуальность мыслящих людей. В такое время, как наше, более чем когда-либо, надо не запугивать, а напротив, поощрять индивидуумов, чтобы они действовали не так, как действует масса. В другие времена не было бы никакой пользы в том, чтобы индивидуум действовал не так как масса, если притом он не действовал лучше, чем масса; но теперь неисполнение обычая, отказ преклоняться перед ним, есть уже само по себе заслуга. Поэтому именно, что тирания мнения в наше время такова, что всякая эксцентричность стала преступлением, поэтому именно и желательно, чтобы были эксцентричные люди, – это желательно для того, чтобы покончить с этой тиранией» [17; с. 346].

В сознании человека взаимодействуют индивидуально-личные и общинные компоненты мирозерцания. Индивидуальное начало тянет его к свободе и независимости, общинное – к

зависимости и несвободе. Другой параметр человека – противоречие духовного и материального (биологического). Сущность жизни биологической заключается в индивидуальном и материальном. Начало смерти в человеке – это общинное и дух. Дух тоже стремится к свободе, но – от тела, чтобы слиться с духовной субстанцией, всеобщим Атманом, Богом. Несвобода духа имеет материальный смысл, несвобода тела – социальный. Третий параметр – сознательное и бессознательное. Субъект сознания – дух, он контролирует сознание, которое несвободно. Несвободно и тело, подчиняющееся материальным законам и волею духа. Несвободна душа, отдающая отчет духу о своих основных порывах. Но душа имеет иррационально-природные глубины, инстинктивные порывы коллективного бессознательного. Поэтому стремление к свободе становится смыслом жизни человека, и магия есть лишь средство увеличения его свободы

Французский юрист Этьен Ла Боэси в трактате «Рассуждение о добровольном рабстве» писал: «...Если жители какой-либо страны нашли такого выдающегося человека, который на опыте обнаружил большую прозорливость в деле охраны их, великую смелость в защите их и большую заботу в управлении ими, и если исходя из этого, они привыкают ему повиноваться и доверяют ему в такой мере, что предоставляют ему некоторые преимущества, то я сомневаюсь, благоразумно ли такое поведение, поскольку его снимают с места и назначают туда, где он может сделать зло. Но, разумеется, они не могут не проявлять благородства по отношению к нему и не могут бояться зла со стороны того, от кого до этого они видели только добро» [9; с. 9)]. Он полагал, что природа создала всех людей свободными и одинаковыми, чтобы вызвать отношения братства, но наделила некоторых людей способностями, дабы более умные и сильные могли помогать слабым. Но он считал, что они не должны злоупотреблять доверенной им властью, поскольку все люди по природе свободны, то «никого нельзя держать в рабстве, не причиняя ему вреда, и нет на свете ничего более противоречащего всегда разумной природе, чем несправедливость. Остается, следовательно, признать, что свобода естественна, и тем самым признать, по-моему, что нам от рождения свойственна не только свобода, но и стремление защищать ее» [9; с. 16)].

Ла Боэси писал, что животные не могут жить без свободы, но его мнению противоречит наличие одомашненных и прирученных животных. Правда, как подчеркивал орнитолог Дж. Даймонд, не все животные поддаются одомашниванию [7; с. 198–224)]. Как отмечал Ла Боэси, «существуют три рода тиранов: они приобретают власть над государством по выбору народа, другие – с помощью вооруженной силы, третьи – по наследству» [9; С. 17)].

Свобода, рассматриваемая как «цель в себе» без учета последствий ее применения, деструктивна, оторвана от ответственности. Именно такие формы свободы наиболее полно и последовательно пытались реализовать самые жестокие тоталитарные режимы XX в. Но необходимо учесть, что свободе противостоит причинность (см. таблицу 2).

Таблица 2

Причинность	Спонтанность (свобода)
Рациональность	Иррациональность
Пространство	Время
Движение	Изменение
Предопределенность	Произвольность
Равновесность	Неравновесность
Чувственно воспринимаемая (материальная) сфера	Умопостигаемая (виртуальная) сфера
Внеморальность	Ответственность
Контролируемость	Вероятность

Правильное понимание свободы связано с отказом от попыток реализации полной свободы в физическом мире, ибо чем больше свободы, тем тяжелее груз ответственности за нее. Не случайно слабые люди стремятся избавиться от свободы, продать ее повыгоднее, чтобы получить в обмен гарантированную безопасность и пропитание. Отсюда следует вывод, что мера свободы определяется способностью и потенциалом ответственности за нее (внешней и внутренней).

В то же время для понимания объективной свободы большое значение имеет понятие «бифуркации», введенное И. Пригожиным, которое обозначает ситуацию кризиса в состояниях космоса и перехода в новые процессы, причем совершается нечто, схожее с проблемой выбора, когда из нескольких возможных перспектив выбирается одна, и не вполне очевидны причины такого расклада обстоятельств и их последствий [19; с. 54].

Свободе придает смысл лишь достойная цель, иначе она бессмысленна, бесчеловечна и

деструктивна. Таким образом, свобода в материальном мире не может быть «целью в себе», это средство реализации достойной цели.

Гораздо больший потенциал свобода имеет в сфере духа, но и здесь она не абсолютна, ибо абсолютно свободен лишь Бог, человек же и в сфере духа и творчества должен отвечать за использование своей свободы. А что такое «достойная цель»? Это промежуточный этап в процессе реализации смысла жизни человека и смысла истории, направленного на преодоление энтропии, на культуротворчество.

Моральный долг есть внутреннее принуждение. По мнению Фихте, моральный долг – это «то, что человек должен, то и может». Он писал, что «свобода воли *должна* и *может* стремиться все более приблизиться к этой цели (полному равенству всех членов общества)» [20; с. 33]. При этом свобода «отрицательная» направлена на отрицание необходимости, а «положительная» – разумное взаимодействие с нею (табл. 3).

Таблица 3

Свобода как осознание необходимости	Свобода как преодоление необходимости
Сфера прошлого	Сфера настоящего
Материальная сфера	Духовная сфера
Сфера управления	Сфера творчества

Необходимость регулирования свободы правовыми нормами показывает Ш. Л. Монтескье: «Свобода есть право делать все, что дозволено законами. Если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и прочие граждане» [18; с. 137]. Он писал, что ни демократия, ни аристократия сами по себе не являются свободными. Гораздо более свойственна свобода умеренным политическим режимам, где не принято злоупотреблять властью. Хотя, как показывает вековой опыт, человеку свойственно злоупотреблять властью до тех пор, пока он не обнаружит предел своему злоупотреблению. Таким пределом он считал разделение и уравнивание трех ветвей власти, каждая из которых контролирует другие. Монтескье понимал под свободой защищенность от произвола со стороны как других лиц, так и органов власти. И только законы могут гарантировать эту свободу.

Стремление приблизить реальную свободу к абсолюту деструктивно. Можно обнаружить ступени, степени свободы. Свобода может иметь отрицательное значение – как освобождение от чего-либо, и положительное – как «пустота», заполняемая смыслом.

Монтескье заметил, что у кочевников и оседлых народов (земледельцев) складывались не одинаковые формы правопорядка и свободы (государства и общества). Как известно, скотоводы-кочевники нуждаются в свободном существовании в большей степени, нежели оседлые земледельцы. Поэтому государства-империи, возникающие на Востоке, по необходимости используют жесткие меры для контроля за жителями этих огромных территорий, хотя сами жители воспринимают этот контроль без восторга, но не против поучаствовать в грабительских набегах на соседей. Напротив, крестьяне-земледельцы относятся к государству совсем иначе, более лояльно, готовы его терпеть, потому что ждут от него защиты от грабителей и внешних угроз от соседних государств. Вот почему нет необходимости жестких мер для государственного контроля за гражданами.

Монтескье указывал: «В стране с подходящей для земледелия почвой... усиливается дух зависимости. Крестьяне, составляющие главную часть населения, менее ревнивы к своей свободе; они слишком заняты работой, слишком поглощены своими делами. Деревня, которая изобилует всеми благами, боится грабежей, боится войска...» [18; с. 240]. С этим связана мысль о том, что «в Азии всегда были обширные империи; в Европе же они никогда не могли удержаться. Дело в том, что в известной нам Азии равнины гораздо обширнее и они разрезаны морями и горами на более крупные области... Поэтому власть в Азии должна быть всегда деспотической, и если бы там не было такого крайнего рабства, что в ней очень скоро произошло бы разделение на более мелкие государства, несовместимое, однако, с естественным разделением страны» [18; с. 239]. Вероятно, дело связано, во-первых, с вольнолюбивым характером русского человека, которому невыносимо ощущать и терпеть насилие; во-вторых, хотя бюрократизм государственных чиновников — явление международное, но самым злейшим и зловердным бюрократизм (как утверждали М. Салтыков-Щедрин в своих произведениях, Е. Замятин в «Сказке о Фите», А. Платонов в «Городе Градове») был именно в России (как и в других странах Востока).

С точки зрения физики Космоса, равенство – это смерть, это энтропия, застой и утрата смысла. Жизнь, напротив, – это выявление и развитие различий, непохожего, нестандартного, нового,

оригинального. Стремление втиснуть человека в рамки стандартов равенства – это проявление объективно-космического закона энтропии, ведущего к застою, смерти, хаосу и бессмысленности. Вот чем чреват внешне красивый лозунг «равенства».

Выводы

Итак, источником движения и изменений является разность потенциалов. Если в одном месте энергия (или вещество) отсутствует или присутствует в малой степени, то из другого места, где имеется избыток энергии (или вещества), начинается перемещение в зону относительной пустоты. При этом не следует отождествлять движение и изменение. Движение есть перемещение в пространстве, изменения происходят во времени.

Право на свободу опирается на следующие условия:

- ответственность за свое тело;
- ответственность и долг перед семьей, обществом и государством за свою душу;
- ответственность и долг перед Богом за свое духовное саморазвитие и самоактуализацию.

Протагор утверждал, что «человек есть мера всех вещей», то есть мера свободы ограничена человеческими потребностями. В самом общем виде можно разделить все потребности на два класса: индивидуально-личные и общечеловеческие. Поэтому и меру свободы можно понимать в двух планах: индивидуально-личном и общечеловеческом. Мера первая связана с совестью и ответственностью индивида, вторая – с правовыми ограничениями.

Инициатива индивида, которую защищают либеральные программы, служит источником развития самого человека и общества. Однако, государство стоит на страже безопасности, стабильности, сохранения идентичности и важнейших традиций. В качестве границ свободы при этом можно указать на следующие:

- материально-причинные (дефицит энергии, финансов, собственности);
- социально-нормативные (власть, ответственность, мораль, равенство перед законом, культурные традиции);
- духовные (долг, совесть, воля, знания и мудрость).

Пространственной метафорой свободы может служить образ вихря, смерча. Пределы негативной, разрушительной свободы связаны с характером человека и его темпераментом (холерик с легкостью поддается соблазнам обрушить свой гнев на «козла отпущения»; сангвиник строит свои претензии к источникам своих проблем на основании взвешенных размышлений; флегматик принимает неприятности как объективные факты; меланхолик склонен винить себя в тех неудачах, которые его настигают). Мотивы такой свободы связаны с эмоциональными аффектами по поводу ущемления интересов и препятствиями на пути удовлетворения потребностей: обман, обида, зависть, месть, ревность, оскорбление, неуважение, игнорирование, несправедливость. Воля человека может тормозить влияние таких переживаний на поведение или, напротив, стимулировать их энергию и деструктивность.

На вопрос о предназначении свободы ответ может быть таким: мера свободы позитивной определяется такими качествами – мудростью, ответственностью, совестью, благородством, честью. Важнейшими мерами свободы являются – творчество и духовное самосовершенствование. Мера свободы не может быть универсальной, для разных субъектов (индивидуальных и групповых) она может быть разной. Нормативная уравнивательность неизбежно вернет наше общество и государство к стагнации, какая тормозила нашу страну в социалистическую эпоху.

Под словом «мера» понимается предел, граница, масштаб, единица измерения, выбранная по соответствующему соглашению. В обществе на государство возложена ответственность за определение меры свободы, пространства свободы, предел возможного и должного поведения, чтобы свобода одного не нарушала право другого быть свободным. К сожалению, у государства всегда появляется соблазн уменьшить до минимума сферу свободы, чтобы гарантировать управляемость.

Биолог К. Лоренц обратил внимание на фундаментальный закон всего живого: противоречивое единство жесткости и пластичности, программы инстинктов и способности адаптироваться к изменениям природной среды. «Начиная с самых примитивных форм в царстве простейших, жесткие структуры служат столь же важным условием дальнейшей эволюции, как и пластичность органического. В этом смысле жесткая структура – такое же необходимое и всеобщее свойство живой материи, как и её пластическая свобода. Вместе с тем всякая жесткая структура, будучи необходимой основой органической системы, несет с собой и нежелательный побочный эффект: своей жесткостью она лишает систему определенной степени свободы» [16; с. 25]. Переноса эти границы в сферу жизни

человека, можно полагать, что необходима относительно жесткая программа контроля и социально-нормированной традиции и некоторая пластичная свобода адаптивных инноваций в рамках контролируемого «коридора». Отсюда можно заключить: если свободы будет слишком много – это чревато ростом анархии и произвола; если меньше необходимого – стрессовое перенапряжение рано или поздно приведет к взрыву.

Меру ограничения (границ) свободы можно предложить на основе «золотой пропорции», имеющей процентное выражение 62 / 38 (62 % – традиции, консерватизм; 38 % – свобода, либерализм).

Известная формула «свобода есть осознанная необходимость» при анализе позволяет обнаружить параметры взаимосвязи необходимости и свободы (см. таблицу 4).

Таблица 4

Необходимость	Свобода
Потребность (вынужденность)	Сознательный выбор
Причинность (материальная)	Мотивированность
Прошлое+настоящее	Настоящее+будущее
Бессознательность и осознанность	Осознанность
Предопределенность (детерминизм)	Вероятность, произвольность
Подчинение объективное	Подчинение субъективное
Внеморальность объективная	Ответственность

Свобода – это необходимость и возможность, это *возможность* удовлетворять потребности на основе доступа к энергии, если нет энергии – нет свободы, то есть энергия – это условие свободы. В связи с этим возникает вопрос о мере и границах потенциала энергии, которые можно доверить государству для обеспечения безопасности. Еще одним условием является знание. Оно обращено в прошлое, незнание – в будущее. Сократ своей формулой «я знаю, что я ничего не знаю» – был устремлен в будущее.

Свобода не обусловлена причинами, побуждение к свободе имеет источники – инстинкты и волю. Право на свободу необходимо заслужить. Условия такого права: решительность, ответственность, дисциплина, моральный долг, правосубъектность, гражданство, необходимость, возможность.

Примечания

[1] Хал (араб. *حَال*, мн. ч. **ахвал**) – в суфизме: чувства радости и тоски, покоя и стеснения, которые входят в сердца духовных «путников» (саликов). У мутазиликов хал – это «состояние предмета в определенный момент времени. Хал исходит от Аллаха и не зависит от усилий или практики самосовершенствования мистика. Хал может наступить в любой момент, а суфий не может отдалить от себя состояние хала, также как он не может сам ввести себя в это состояние».

Список литературы

1. Аль-Газали Абу Хамид. Воскрешение наук о вере. — М.: Наука, ГРВЛ, 1980. — 378 с.
2. Бауман З. Свобода / З. Бауман. — М.: Новое издательство, 2021. — 204 с.
3. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. — М.: Правда, 1989. — 608 с.
4. Васильев Н. А. Логика и металогика / Н. А. Васильев // Логос. 1912-1913. Кн. 1/2. С. 53—81.
5. Волков Д. Свобода воли: Иллюзия или возможность / Д. Волков. — М.: Карьера Пресс, 2018. — 368 с.
6. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Фон Гумбольдт. — М.: Прогресс, 1985. — 448 с.
7. Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: История человеческих сообществ / Дж. Даймонд. — М.: АСТ, 2010. — 604 с.
8. Дарендорф Р. Соблазны несвободы. Интеллектуалы во времена испытаний / Р. Дарендорф. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 360 с.

9. Ла Боэси Э. де. Рассуждение о добровольном рабстве / Э. де Ла Боэси. — М.: Изд-во АН СССР, 1952. — 202 с.
10. Левин Г. Д. Трактат о свободе / Г. Д. Левин. — М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2009. — 192 с.
11. Левицкий С. А. Трагедия свободы / С. А. Левицкий. — М.: Канон, 1995. — 512 с.
12. Липпс Т. Основные вопросы этики / Т. Липпс. — СПб.: Изд-во О. Н. Поповой. — 392 с.
13. Лоренц К. Кантовская концепция а priori в свете современной биологии / К. Лоренц // Эволюция. Язык. Познание. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 15—41.
14. Лосский Н. О. Свобода воли / Н. О. Лосский. — Paris: Ymka Press, 1927. — 181 с.
15. Лотце Г. Микрокосм. Мысли о естественной и бытовой истории человечества. Опыт ан-тропологии: В 3 ч. / Г. Лотце. — М.: Солдатенков, 1866. — Ч. 1. 509 с.
16. Лукасевич Я. О детерминизме / Я. Лукасевич // Логические исследования. Вып. 2. — М.: Наука, 1993. — С. 190—205.
17. Милль Дж. О свободе / Дж. Милль // О свободе: Антология западноевропейской классической либеральной мысли. — М.: Наука, 1995. — С. 288–392.
18. Монтескье Ш. О духе законов / Ш. Л. Монтескье. — М.: Мысль, 1999. — 674 с.
19. Пригожин И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. — М.: Прогресс, 1986. — 432 с.
20. Фихте И. Г. Сочинения: в 2 т. / И. Г. Фихте. — СПб.: Мифрил, 1993. Т. 2. — 798 с.
21. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм. — М.: АСТ, 2006. — 571 с.
22. Чичерин Б. Н. О народном представительстве / Б. Н. Чичерин. — СПб.: Наука, 2016. — 511 с.

References

1. Al-Ghazali Abu Hamid. The resurrection of the sciences of faith. M.: Nauka, GRVL, 1980. — 378 p. (in Russ).
2. Bauman Z. Freedom. M.: Novoye izdatelstvo, 2021. — 204 p. (in Russ).
3. Berdyaev N. A. Philosophy of freedom. The meaning of creativity. M.: Pravda, 1989. — 608 p. (in Russ).
4. Vasiliyev N. A. Logic and metalogic // Logos. 1912-1913. Book 1/2. pp. 53-81. (in Russ).
5. Volkov D. Freedom of will: Illusion or opportunity. M.: Karjera Press, 2018. — 368 p. (in Russ).
6. Humboldt V. Language and Philosophy of Culture. M.: Progress, 1985. — 448 p. (in Russ).
7. Diamond J. Guns, germs and steel: A history of human communities. M.: AST, 2010. — 604 p. (in Russ)
8. Dahrendorf R. Temptations of unfreedom. Intellectuals in times of trial. M.: Novoye Litera-turnoye Obozreniye, 2021. — 360 p. (in Russ).
9. La Boetie E. de. Discourse on voluntary slavery. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1952. — 202 p. (in Russ).
10. Levin G. D. Treatise on freedom. M.: Kanon+; ROOI "Reabilitatziya", 2009. — 192 p. (in Russ).
11. Levitskiy S. A. Tragedy of freedom. M.: Kanon, 1995. — 512 p. (in Russ).
12. Lipps T. Basic issues of ethics. St. Petersburg: O. N. Popova Publishing House. — 392 p. (in Russ).
13. Lorentz K. Kant's concept of a priori in the light of modern biology // Evolution. Language. Cognition. — M.: Yazyki russkoy kultury, 2000. — pp. 15—41. (in Russ).
14. Losskiy N. O. Freedom of will. Paris: Ymka Press, 1927. — 181 p. (in Russ).
15. Lotze G. Microcosm. Thoughts on the natural and everyday history of mankind. Experience of Anthropology: In 3 parts. M.: Soldatenkov, 1866. — Part 1. 509 p. (in Russ).
16. Lukasevich Ya. On determinism // Logical researches. Issue 2. — M.: Nauka, 1993. — P. 190-205. (in Russ).
17. Mill J. On Freedom // On Freedom: An Anthology of Western European Classical Liberal Thought. — M.: Nauka, 1995. — P. 288–392. (in Russ).
18. Montesquieu C. About the spirit of laws. — M.: Mysl, 1999. — 674 p. (in Russ).
19. Prigozhin I., Stengers I. Order out of chaos. M.: Progress, 1986. — 432 p. (in Russ).
20. Fichte I. G. Works: in 2 volumes. St. Petersburg: Mifril, 1993. Vol. 2. — 798 p. (in Russ).
21. Fromm E. Escape from freedom. Man for himself. M.: AST, 2006. — 571 p. (in Russ).
22. Chicherin B. N. On the representation of the people. St. Petersburg: Nauka, 2016. — 511 p. (in Russ).

MEASURE AND BOUNDARIES OF FREEDOM

PIVOYEV
Vasiliy

*PHD in Philosophy,
Professor of the Department of General Law and
Humanitarian Disciplines,
Northern Institute (Petrozavodsk Branch) of All-Russian
State University of Justice (RPA of the Justice Ministry of
Russia),
Petrozavodsk, Russian Federation, pivoev@mail.ru*

Keywords:

freedom
measure
instincts
soul and spirit
morphology of freedom
will (motivation) to (bodi-ly and
spiritual) freedom
measure and boundaries of freedom

Summary:

What encourages a person towards freedom and at the same time limits this will? Is it possible to speak of a measure of freedom, and if so, by what can it be measured? It may not be about rational quantitative measures, but about irrational axiological ones. This measure ranges from absolute freedom, fraught with anarchy and destructiveness, to complete submission and slav-ery, based on the awareness of the normative boundaries of necessity and possibilities: energy, legal, moral, deontological ones, etc. The quantitative measure of freedom can be determined on the basis of the “golden ratio”.

УДК 165.12.

Научное познание как культурная практика

ВОЛКОВ
Алексей
Владимирович

*доктор философских наук,
заведующий кафедрой философии и культурологии,
Петрозаводский государственный университет,
институт истории политических и социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
philos@petrsu.ru*

Ключевые слова:

научное познание
практика
навыки
инструмент
экспериментальная культура
неявное знание

Аннотация:

В статье отражена одна из главных тенденций современной эпистемологии – ориентация на так называемый «практический» поворот к науке. Обращаясь к истории современной физики, автор стремится показать, что инструменты познания неотделимы от экспериментальных культур. Такие понятия как «научные данные», «доказательство» обретают свой смысл только в рамках определенных экспериментальных культур, инструментальных традиций. Привлекая материал из истории современной науки, автор стремится продемонстрировать нерасторжимое единство человеческого и нечеловеческого, социального и природного начал в рамках базовых единиц научно-исследовательской практики – экспериментальных системах

© 2023 Петрозаводский государственный университет

Получена: 27 мая 2023 года

Опубликована: 29 мая 2023 года

За время своего существования и исторического развития человечество выработало ни одну форму культуры, общественного сознания. Среди них – миф, искусство, религия, философия, наука. Последняя в этом ряду форма культуры, а именно наука, занимает центральное положение в современном информационно-техническом мире. Та значительная роль и место, которые отводятся сегодня науке, сделали ее одним из самых важных и актуальных объектов исследования со стороны самых разных дисциплин и в том числе философии. Нижеследующие размышления пойдут именно в русле философской рефлексии о науке.

Традиционно, наука интересовала философию прежде всего как определенный тип знания. Не зря одной из самых главных проблем философии науки XX века была проблема демаркации научного и ненаучного знания. При этом особый интерес со стороны философии вызывала такая высшая форма организации научного знания как теория. Что же касается научных инструментов и связанной с ними материально-практической деятельности ученого, то эти аспекты, как правило, оставались в тени философского интереса и поэтому именно они составят предмет нашего дальнейшего рассмотрения. Привлекая внимание, прежде всего, к практической стороне научного познания, мы постараемся реконструировать некоторые особенности инструментальных форм деятельности, которые придают научной практике и ее продукту – знанию – социо-культурный смысл и характер. Уточним, что речь пойдет о культуре, не как о внешнем, но внутреннем науке пространстве, соединяющим в одно целое исследователя, инструмент и результат познания. При этом рабочим материалом для нас послужат некоторые сюжеты из истории современной физики.

Начнем с указания на одно общее, но вместе с тем, важное обстоятельство. Согласно

привычным и распространенным воззрениям научное знание отличается от априорных спекуляций и произвольных измышлений тем, что имеет своим источником опыт, т.е. данные наблюдения и эксперимента. Данное суждение, само по себе верное и справедливое, оставляет, однако, в тени один немаловажный вопрос. А именно: какова специфика «механизма» производящего в человеке (исследователе) так называемые чувственные данные? Является ли этот механизм природным свойством человека или он социально и культурно обусловленным? Обратимся к небольшому примеру.

К середине XX века в медицине были освоены операции катаракты – помутнение хрусталика, резко ухудшающее зрение, и многие взрослые, слепые от рождения из-за катаракты получили возможность восстановить зрение. Между тем, как это ни покажется странным, но, открывая глаза, прооперированный больной не получил никакого удовольствия, более того, эта процедура оказалась для него довольно болезненной. Дж. Янг описал те трудности, с которыми столкнулся человек, ставший зрячим. «Прооперированный больной говорит только о вращающихся массах света и цветов и оказывается совершенно неспособным зрительно выделить объекты, распознать или назвать их. Он не замечает деталей очертаний самопроизвольно, и не знает, какие черты важны и полезны для распознавания объектов в обыденной жизни. Так, например, один пациент, научившись зрительно распознавать яйцо, помидор и кусок сахара, не смог узнать их, когда их осветили желтым светом. Кусок сахара он узнавал, когда тот лежал на столе, но не узнавал, когда его подвешивали в воздухе на нитке» [1: 39-40].

Не сложно догадаться, о чем повествует данный пример. Очевидно, что зрительное восприятие, которое, как считается, дает нам факты наиболее непосредственно, представляет собой результат обучения, а не способность, приобретаемую автоматически. Мы учимся смотреть, культивируя определенный способ восприятия. Акт видения оказывается актом социальным, культурным. Посмотрим теперь, какое значение имеет данный пример для понимания специфики научного познания.

Примерно с XVI столетия в арсенале обучающегося врача появляется медицинский атлас. Используя атлас, начинающий врач изучал анатомию человека для того чтобы впоследствии при осмотре и лечении больного распознавать отклонения от анатомических норм. В XX веке подобные атласы появляются в атомной, ядерной физике, в частности, атласы, содержащие изображения треков элементарных частиц в камере Вильсона. Цель подобных атласов – научить физика владеть своим глазом, распознавать альфа-частицы, гамма-лучи и т.д. Постановка подобного навыка выступает необходимым условием для работы с чтением, интерпретацией изображений ядерных процессов.

Вместе с тем, камера Вильсона, эмульсионная, пузырьковая камеры это не единственные инструменты познания структуры субатомного мира. Наряду с ними физики используют электронные детекторы, такие как счетчики Гейгера-Мюллера, а так же искровые, дрейфовые камеры. Будучи приборами из класса счетчиков, эти устройства не дают визуальных изображений треков элементарных частиц, а сообщают (сигнализируют) о том, имел ли место сам факт прохождения определенной элементарной частицы через детектор или нет. Работа со счетчиками требует от физиков культивации иных, не визуальных навыков селекции информации. О каких именно навыках идет речь? Своего рода подсказкой в данном случае может послужить как устройство самого счетчика, так и пособия, содержащие инструкции по их использованию.

Обращение к истории исследования космических лучей показывает, что свидетельством прохождения определенного типа частицы через электронный детектор должен выступать одновременный сигнал от нескольких, входящих в конструкцию счетчика, специальных трубок. В то же время, подобное совпадение могло быть и результатом одновременного прохождения через трубки разных типов элементарных частиц, порождающих тем самым эффект имитации отдельной, определенной частицы. Кроме того, источником совпадений мог выступать и сам счетчик, порождающий так называемые ложные разряды. В итоге, все совпадения, не имеющие отношения к изучаемому феномену, формируют фон, и любое утверждение об исследуемом феномене вынуждено обращаться к статистическим аргументам, включающим оценку, сравнение исследовательских ожиданий в отношении фона и зарегистрированных сигналов. Таким образом, навык, который затребует работа со счетчиком – это прежде всего навык абстрактного мышления, оперирующего не визуальными, а количественными репрезентациями. В этой связи, ни одно пособие по обучению работы со счетчиками не обходится без материала по статистике.

Итак, какой вывод напрашивается из сказанного? Приведенные нами сведения о научных (физических) инструментах не просто отражают факты из истории и методологии науки, они обозначают тот пункт, в котором история науки смыкается с антропологией, культурологией. В самом деле, ведь введение и использование того или иного инструмента предполагает преобразование тела

как естественной данности, и результируется в конечном итоге в сформированной и закрепленной в виде набора специальных навыков восприятия и способов действия *культуре* [2; 5; 7]. В данном случае речь идет об экспериментальной культуре.

Но это не все. Достойным внимания представляется и такой факт. Как свидетельствует история физики, ряд ученых - среди них, главным образом, ученики Вильсона (С. Пауэлл и др.), а равно и ученики этих учеников - твердо придерживались использования в своей научной работе эмульсионных и пузырьковых камер, и почти никто из них не обращался к устройствам типа счетчика Гейгера-Мюллера. Дело в том, что фотографические навыки, играющие ключевую роль при работе с камерой Вильсона, а так же с эмульсионными и пузырьковыми камерами не обладали практически никакой значимостью при работе со счетчиками. Речь, таким образом, идет о существовании не одной, а двух отдельных и вполне самостоятельных субкультур в рамках ядерной, экспериментальной физики XX столетия - «образной», опирающейся на визуально изоморфные изучаемым явлениям репрезентации и «логической», базирующейся на абстрактных (числовых) репрезентациях [3; 4].

Симптоматично, что отношения между двумя субкультурами были далеко не всегда гладкими. Достаточно, например, вспомнить попытку Л. Альвареца прекратить постановку экспериментов с использованием электронных детекторов (счетчиков) в лаборатории им. Лоуренса (Беркли, Калифорния). Примечательность данного эпизода заключается, помимо всего прочего, в том, что само представление о «научных данных», «доказательстве» может различаться в зависимости от экспериментальной культуры, инструментальной традиции. Так, если в рамках «образной» традиции базис доказательства составляет репрезентация отдельного, единичного внутриаомного события, то в основе «логической» традиции лежит репрезентация множества подобного рода событий с привлечением количественной, статистической обработки.

Наконец, отметим еще одно обстоятельство, которое на наш взгляд, заслуживает серьезного внимания, как со стороны истории, так философии науки. Речь идет о гносеологическом статусе тех знаний-навыков, которые составляют экспериментальную культуру.

Эволюция материально-технического оснащения физической лаборатории в XX веке внесла серьезные изменения в структуру и разделение научного труда. Если в начале века такой ученый как Вильсон сам конструировал средства экспериментирования и играл активную роль практически на всех стадиях эксперимента, то в 30-40 годы в связи с переходом физики к эмульсионным технологиям, имела место уже иная ситуация. Одна группа регистрировала эмульсионные треки, другая производила, соответствующие измерения и вычисления, а производство самой эмульсии осуществлялось не учеными, а различными компаниями, такими, например, как Кодак. При этом для ученых - университетских физиков - возможности установления принципов, стоящих за эмульсионными технологиями, оказались весьма ограниченными, так как данные принципы представляли собой тот сорт знаний и умений, который не облакался в форму письменных инструкций, алгоритмов, а требовал личного участия в технологическом процессе - так называемое неявное знание.

Во второй половине XX века научные лаборатории стали напоминать фабрики. Число физиков и инженеров, вовлеченных в постановку и проведение эксперимента, возросло до нескольких сотен человек, а оборудование превратилось в многосложные аппаратные комплексы. Каждая группа отвечала за отдельный элемент оборудования в целом, участвовала в определенном этапе анализа данных. Возросшая степень специализации и разделения труда между учеными сделали еще более заметным тот факт, что основу экспериментальной культуры составляет неявное, личностное знание. Ниже следующий пример может считаться одним из самых ярких тому свидетельств.

В конце 60-х гг. XX века в такой области естествознания как физика солнечных нейтрино обозначилась проблема, ставшая предметом оживленных споров более чем, на десятилетие. Дело в том, количественные показатели, предсказанные теорий относительно испускаемых Солнцем потоков нейтрино, были всегда намного больше тех результатов, которые получали экспериментаторы с помощью специального детектора, регистрирующего эти потоки. Споры захватили сразу несколько специальностей, принимавших участие в исследованиях: радиохимию, ядерную физику, астрофизику и физику нейтрино. Примечательная черта этого споров состояла в том, что почти каждый представитель четырех специальностей был уверен, что данное несоответствие вызвано проблемами не в его собственной, а чужой специальности. Среди повторяющихся и наиболее часто упоминаемых источников проблем назывались в частности чрезмерная сложность задействованных в исследование систем, осуществляемые экстраполяции данных, произвольные предположения и т.д. Важен и другой момент. Ученые вовсе не действовали подобно слепым автоматам, перекалывающим ответственность на плечи другого. Прежде всего, они внимательно проверяли свою собственную предметную область. В итоге, как

показало одно из исследований этого научного спора, причина столь странного поведения ученых состояла именно в наличии в каждой из четырех специальностей неявного знания – таких практик, которые составляли своего рода сноровку, искусство исследователя. Каждый из представителей четырех специальностей владел подобными неформализуемыми умениями в своей области, но не был знаком с аналогичными неформализуемыми умениями чужой специальности и поэтому был склонен к тому, чтобы локализовать причины проблем вовне. Само собой разумеющиеся предпосылки и экстраполяции как раз и являлись частью рутинных, повседневных умений, которые составляли тайну для внешнего наблюдателя, в данном случае, представителя другой специальности [6].

Подведем итоги. Первое, что мы постарались показать, привлекая внимание к материально-практической стороне познания, это то, что ученый видит и познает окружающий мир не столько природой данными ему органами, сколько органами, возникшими и ставшими в пространстве социокультурной жизни. В этой связи войти в роль субъекта научного познания означает приобщиться к культуре определенного ансамбля практик, техник, умений, характерных для определенной группы, школы, традиции.

Далее, такие понятия как «научные данные», «доказательство» не являются чисто логическими концептами в научной практике, скорее они выступают социокультурными продуктами, которые обретают свой смысл и значение в рамках определенных экспериментальных культур, инструментальных традиций.

Наконец, сами экспериментальные культуры могут принимать форму бытия невербализованного, неявного знания, о чем, в частности, свидетельствуют навыки обращения с экспериментальным оборудованием. Подобного рода знания-умения лишь частично получают эксплицитно-рефлексивную форму в спорах, дискуссиях ученых, составляя своего рода сноровку, искусство исследователя-практика.

Таким образом, все вышеотмеченное свидетельствует о том, что ученый не просто отражает как в зеркале, некий неочеловеченный мир, но делает это при помощи человеческих процедур и операций, которые незримо присутствуют и в результатах такого отражения. В этой связи результат познавательной деятельности оказывается не просто идеальной копией внечеловеческого мира, а конструкцией, имеющей двуединую – субъектно-объектную природу. Данное обстоятельство, мы полагаем, имеет важные следствия, как для методологов, философов науки, так и для самих ученых. С одной стороны, оно подчеркивает ответственность ученого (научного сообщества в целом) за свои действия и убеждения, а с другой стороны, акцентирует необходимость самих убеждений для существования науки. В современных условиях, когда человек именно с прогрессом науки и основанной на ней технике связывает как самые существенные надежды, так и самые серьезные тревоги за свое будущее, данное обстоятельство представляется особенно важным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голдстейн М., Голдстейн И. Как мы познаем. Исследование процесса научного познания. М. – Знание. 1984, 256 с.
2. Collins H. The Meaning of Data: Open and Closed Cultures in the Search for Gravitational Waves. *American Journal of Sociology*. Volume 104, Issue 2 (Sept., 1998), pp. 293-338.
3. Galison P. *How Experiments End*. Chicago: University of Chicago Press. 1987. 330 p.
4. Galison P. *Image and Logik: A Material Culture of Microphysics*. Chicago: University of Chicago Press. 1997. 956 p.
5. Knorr-Cetina K. *Epistemic Cultures: Forms of Reason in Science*. *History of Political Economy*. 1991. Vol. 23, pp. 105-122.
6. Pinch T. J. The Sun-Set: on the presentation of certainty in scientific life // *Social Studies of Science*. 1981. Vol. 11. pp. 131-158.
7. Rheinberger H.-J. *Towards History of Epistemic Things: Synthesizing Proteins in the Test-Tube*. Stanford: Stanford University Press. 1997. 340 p.

REFERENCES

1. Galison P. *How Experiments End*. Chicago: University of Chicago Press. 1987. 330 p.

2. Galison P. *Image and Logik: A Material Culture of Microphysics*. Chicago: University of Chicago Press. 1997. 956 p.
3. Goldstein M., Goldstein I. *How We Know: An Exploration of the Scientific Process*. Moscow. 1984, 256 p. (in Russ).
4. Collins H. The Meaning of Data: Open and Closed Cultures in the Search for Gravitational Waves. *American Journal of Sociology*. Volume 104, Issue 2 (Sept., 1998), pp. 293-338.
5. Knorr-Cetina K. *Epistemic Cultures: Forms of Reason in Science*. *History of Political Economy*. 1991. Vol. 23, pp. 105-122.
6. Pinch T. J. The Sun-Set: on the presentation of certainty in scientific life // *Social Studies of Science*. 1981. Vol. 11. pp. 131-158.
7. Rheinberger H.-J. *Towards History of Epistemic Things: Synthesizing Proteins in the Test-Tube*. Stanford: Stanford University Press. 1997. 340 p.

SCIENTIFIC COGNITION AS A CULTURAL PRACTICE

VOLKOV
Alexey

*Ph. D. in Philosophy,
Head of Philosophy and Culture studies Department,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation, philos@petsu.ru*

Keywords:

scientific cognition
practice
skills
instrument
experimental culture
tacit knowledge

Summary:

The article reflects one of the main tendencies in contemporary epistemology – the so-called “practical turn”. Borrowing his material from the contemporary history of physics, the author aims to demonstrate that scientific instruments and experimental cultures are bound together. Such concepts as “scientific data” or “evidence” have meaning only within particular experimental cultures and instrumental traditions. Drawing on the examples of the contemporary history of science, the author aims to demonstrate the indissoluble unity of human and non-human, social and natural elements in experimental systems as the basic units of scientific practice.

УДК 930.85

АНТИЧНЫЙ КОД В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ НАЧАЛА И СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

СУВОРОВА

**Ирина
Михайловна**

*доктор культурологии,
профессор кафедры философии и культурологии,
Петрозаводский государственный университет,
институт истории, политических
и социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
suvormih@list.ru*

Ключевые слова:

отечественная публицистика
античное наследие
рецепция
классицизм
художественный стиль

Аннотация:

в статье исследуется проблема рецепции античного наследия в отечественной публицистике XIX столетия на примере двух журналов: «Лицея» 1806 года и «Москвитянина» 1842–1856 годов издания. Методология исследования базируется на сравнительном статистическом и содержательном анализе текстов всех выпусков указанных изданий. Сравнение проводится по ряду показателей, среди которых: количество обращений к античности; использование античных литературных жанров; количество упоминаний античных авторов, исторических персон, образов и географических названий; количество переводов и цитирований. Особое внимание в исследовании уделено анализу философских, литературоведческих и исторических проблем, которые отечественные публицисты XIX века рассматривают сквозь призму опыта античных философов, поэтов и писателей. В итоге делается вывод об однозначном наличии рецепции античного наследия в текстах отечественных публицистов XIX столетия, но выявляется явная редукция этого наследия от начала к середине века, что обусловлено сменой художественных стилей и изменением историко-культурной ситуации в целом.

© 2023 Петрозаводский государственный университет

Получена: 27 мая 2023 года

Опубликована: 29 мая 2023 года

Традиционно в истории культуры считается, что античная тематика была опорой для отечественной и зарубежной публицистики XVIII века, когда в духе классицизма цитировались древнегреческие и древнеримские поэты, философы и политики. Однако своеобразный «код» Античности в той или иной степени можно обнаружить при внимательном прочтении оригинальных выпусков отечественных журналов XIX века, когда уже другие художественные стили пришли на смену классицизму. Сравнительный анализ содержания двух журналов: «Лицея» (начало века) и «Москвитянина» (середина столетия) показывает, насколько изменилось отношение авторов журналов к античному наследию под воздействием новой историко-культурной ситуации, обусловленной сменой художественных стилей. Целью исследования является выявление связи отечественной публицистики (начала и середины XIX века) с античным наследием на примере журналов «Лицей» и «Москвитянин».

Необходимо отметить, что издание «Лицея» и «Москвитянина» осуществлялось на фоне существенной конкурентной борьбы с другими издателями и журналами, которые имели многолетнюю традицию и поддержку критиков. Так, например, В. Г. Белинский в начале XIX века восторженно отзывался об издании «Вестника Европы» Н. М. Карамзина: «Какое разнообразие, какая свежесть, какой так в выборе статей, какое умное живое передавание политических новостей, столь интересных в то время!» [2: 678.]. Несмотря на частую смену журналов по финансовым, организационным и иным причинам, количество изданий в это время исчислялось десятками в Москве и Санкт-Петербурге, поэтому конкуренция была весьма высокой. «Из двухсот новых периодических изданий, вышедших на русском языке с 1801 по 1830 г., 77 названий приходятся на первое десятилетие» [5: 42]. Такой популярности журналов в первой половине XIX века содействовала новая политика властей в области печати: снятие запрета на ввоз книг из-за границы, разрешение на печать в частных типографиях, изменение ведомства цензуры.

Журнал «Лицей» издавался И. Мартыновым в 1806 году после переименования «Северного вестника» 1804-1805 годов издания. Всего было издано 4 части журнала из 12 книг. Само название журнала отсылает читателя к античной истории и тематике, однако из текста отдельных статей, анализирующих «Лицей» Лагарпа, становится понятным его ориентация на французский образец в стиле классицизма.

Журнал «Москвитянин» издавался с 1841 по 1856 год сначала М. Погодиным, затем целым рядом издателей с периодичностью 1–2 раза в месяц. Красноречивое название журнала полностью отражает его славянофильский характер на протяжении всего срока существования. Для сравнительного анализа с целью выявления динамики обращений авторов к античному наследию были выбраны доступные в настоящее время в полном объеме выпуски 1842 года и последнего 1856 года издания.

По сути идеологическая (западническая и славянофильская) разнонаправленность этих двух изданий является главным различием в их содержании. Однако на фоне этого различия оба журнала имели общую цель: они стремились отразить свое время в описании событий, в новостях, в литературных новинках, в обзорах и критических статьях. Так в первом выпуске «Москвитянина» за 1856 год Погодин сообщает читателю: «Содержание “Москвитянина” составят статьи, имеющие отношение преимущественно к нынешнему времени» (Т. 1, № 4: 112).

Рубрикаторы обоих журналов также указывают на эту связь со временем: в «Лицее» современности посвящены разделы «Политика», «Разные известия», «Театр», «Ученые общества» и «Смесь». Собственно литературными были рубрики «Стихотворство», «Словесность» и «Критика». Но абсолютно новаторской была рубрика «Эстетика», которая посвящала отечественного читателя в эстетическую проблематику, ставшую популярной с конца XVIII века. В «Москвитянине» отражению современности были посвящены такие рубрики, как: «Критика», «Смесь», «Моды», «Науки», «Внутренние известия», «Славянские известия», «Политические известия» и «Разные известия». Как видно из перечня, издатели стремились представить информацию максимально разнообразно, удовлетворяя всевозможные потребности своих читателей. А читательские потребности этих двух периодов (начала и середины XIX века) безусловно, разнятся под воздействием историко-культурной ситуации.

В начале XIX века в русской культуре в целом, несмотря на распространение сентиментализма и романтизма, достаточно сильными оставались позиции классицизма, который иногда называют неоклассицизмом. Об этом свидетельствуют многочисленные издания Г. Р. Державина того времени (1804 год – «Анакреонтические песни», 1807 год – «Евгению. Жизнь Званская», 1808 год – Собрание сочинений), который был признанным авторитетом среди начинающих литературных дарований. По-прежнему особой популярностью пользовался классицистический жанр оды, которую писали не только Державин и Карамзин, но и Жуковский, Пушкин, Пнин. Помимо этого, литературные теоретики и критики выпускали значимые работы в духе классицизма: «Словарь древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова, «Краткое начертание теории изящной словесности» А. Ф. Мерзлякова.

В музыке «в начале 19 века произведения русских авторов еще несут на себе печать эпохи классицизма. В них вырабатывается установленный жанр точных классических вариаций с превосходством фактурного развития» [8: 7]. В архитектуре и скульптуре начала века уверенно торжествовал высокий классицизм, опирающийся на античные традиции: «В античности, в особенности классической эпохе Древней Греции, находили пример идеального государственного устройства и гармоничных соотношений человека с природой. Античность (известная по памятникам литературы, скульптуры и архитектуры) воспринималась благодатной эпохой свободного развития личности, духовного и физического совершенства человека, идеальной порой человеческой истории без

общественных противоречий и социальных конфликтов» [7: 6].

К середине века историко-культурная ситуация в России претерпевает значительные изменения под влиянием не только исторических событий, но и значимых общественных явлений и движений, в частности западничества и славянофильства. Во всех сферах искусства происходит переход к новым стилям: в музыке и живописи – от романтизма к реализму, в архитектуре и скульптуре – от «николаевского ампира» к эклектике стилей, проявившейся в подражание древнерусскому искусству, ренессансу, готике и барокко. В отечественной литературе в это время явно начинают доминировать реалистические мотивы, образы, идеи.

В соответствии с духом времени отечественная публицистика XIX века стремилась соответствовать популярным тенденциям. Поэтому совершенно не случайно, что в начале столетия она была под влиянием неоклассицизма и античного наследия, в том числе журнал «Лицей» 1806 года издания. На уровне количественных показателей статистический анализ всех 12 номеров журнала (всего 1328 страниц) выявил 66 обращений авторов к античной тематике. Опубликовано 6 од, 2 элегии и 3 гимна с отсылкой к античной поэзии.

В свою очередь статистический анализ журнала «Московитянин» выявил только 10 обращений авторов к античной тематике во всех выпусках 1842 года (всего 851 страница) и 3 обращения во всех выпусках 1856 года (всего 1136 страниц), среди которых опубликована только 1 ода с отсылкой к античной поэзии.

Таким образом, можно сделать вывод об однозначной редукции античной тематике в количественном отношении и жанровом разнообразии.

На уровне анализа содержания выявлено, что самыми популярными античными героями у русских авторов «Лицея» были: Эрот, Купидон, Муза, Зевс, Гермес, Фемида, Нимфа, Вакх, Юпитер, Алкид, Аполлон, Пион, Марс, Амур, Медея, Беллона, Антиопа, Венера, Ниоба, Лаокоон, Зефир, Церера, Бахус и др. (всего 94 героя). Примечательно, что по частоте упоминания в текстах авторов журнала лидируют Эрот, Купидон и музы. Это говорит о популярности любовной тематики в произведениях отечественных авторов, о чем красноречиво свидетельствуют их названия: «Красота Лауры» (Бутырский), «Весенняя песнь» (Б.), «Осенняя песнь» (Б.), «Письмо к ...» (Гейльс), «Пастушеские песнопения. Идиллия Феокрита» (Сферин). В выпусках «Московитянина» за 1842 год упомянуты музы, Зефир и Эол, а в журнале 1856 года нет ни одного упоминания античного героя, что, безусловно, подтверждает редукцию античного содержания в журналах 1842 и 1856 годов.

В «Лицее» упоминания древнегреческих и древнеримских авторов в основном связаны с публикацией критики, а именно с «Разбором Лицея или Курса древней и новой Словесности, соч. Ж. Ф. Ла Гарпа», размещенного в данном случае анонимно. Список упомянутых античных авторов выглядит весьма внушительно: Квинтилиан («Ораторские наставления»), Цицерон («Об ораторе», «Против Катилины»), Вергилий, Гораций, Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Плутарх, Тит Ливий, Саллюстий, Тацит, Квинт Курций, Сенека, Платон («Диалоги»), Плиний младший, Плиний Натуралист («Дафнис и Хлоя»). В «Московитянине» 1842 года называются: Страбон, Юстин, Плутарх, Платон, Аристотель и Гомер, а в журнале за 1856 год – только Гомер.

В «Лицее» опубликованы и анонимные переводы античных авторов, например «Перевод фрагмента XVIII книги Полибия, найденного в монастыре Св. Лавры на горе Афонской», «Отрывки из Сафо», «Перевод оды Горация», чего не наблюдается в выпусках «Московитянина».

В «Лицее» весьма широко представлен список исторических персон Древней Греции и Рима, среди которых: Леонид, Фабий, Марк Аврелий, Юлий Цезарь, Эвдамид – царь Спарты, Кориолан, Филипп Македонский, Антиох Великий, Ганнибал, Александр Великий, Август Октавиан, Перикл, Клеон, Исократ, Эсхин, Сократ, Аристотель, Траян, Константин, Брут, Антоний Марк, Пракситель, Пирр, Спартак, Катилина, Калигула, Нерон, Меценат (всего 28 персон). Как видно из списка, в большинстве случаев представлены политики и военачальники, а ряд имен философов, ученых и художников чрезвычайно скуп. В «Московитянине» 1842 года упомянуты 8 персон: Александр Македонский, Менатор, Эвкратид, Гелиоклес, Сократ, Август, Нерон, Цезарь и Каракалла, а в журнале 1856 года подобных упоминаний нет.

В «Лицее» также широко представлена античная топонимика, погружающая читателя в атмосферу древности: Стикс, Рифейские горы, Фракия, Троя, Лесбос, Дельфы, Эгина, Рим, Митридат, Пенаты, Левкада, Сарматова страна, Спарта, Ливия, Фригия, Афины, Наксос, Карфаген. В «Московитянине» 1842 года описаны Фанагория, Феодосия, Херсонес, Оливия, Тира, Парнас и Рим, чего не найдено в выпусках 1856 года.

В «Лицее» обнаружено 10 произведений с цитатами на древнегреческом и латыни, а в

«Московитянин» – только одно произведение с цитатой на латыни.

Таким образом, сравнительный анализ содержания (по количеству античных авторов, исторических персон, переводов, географических названий и цитирований) названных журналов 1806 и 1842–1856 годов показал явную редукцию античной тематики в отечественной публицистике к середине XIX века.

Содержательный анализ выявил, что общей для всех журналов чертой является критическое осмысление философских, литературоведческих и исторических проблем античных авторов применительно к отечественным реалиям XIX века. Так, в «Лицее» особое внимание привлекает стремление отечественных авторов вступить в заочную беседу с античными авторами по проблемам эстетики в одноименной рубрике. Подобно античным философам, неизвестный автор статьи «Историческое обозрение художеств» (Ч. 2, К. 2: 21–36) рассматривает проблему происхождения и функций искусства. Упомянутый автор критической статьи делает вывод о нескольких причинах появления искусства в глубокой древности: необходимость совместной жизни в племени, необходимость защиты от непогоды, потребность в приготовлении пищи. Кроме того, «приступая к строительству жилищ и к деланию нужных для себя вещей, надобно было иметь сперва понятие о той вещи, то есть, мысленно представить ее вид, образ, или лучше сказать, рисунок, следственно, рисование предшествовало зодчеству и ваянию, за которыми следовало уже идти живописи» (Ч. 2, К. 2: 23). Подобные рассуждения русского автора вполне соотносятся с позицией Аристотеля, который считал, что причиной появления искусства является необходимость создания того, чего еще не было создано природой и «это некий причастный истинному суждению склад души, предполагающий творчество»[1: 176]. Однако русский автор связывает художественный процесс не только с творчеством и красотой, но и с воспитанием нравственности у народа: «Цель всех художеств есть польза и удовольствие; их образцы – красоты природы и нравственности; разборчивость же и выражение суть двух главных способностей истинного художника» (Ч. 2, К. 2: 36). Таким образом, автор статьи подводит итог своим рассуждениям о происхождении и функциях искусства на фоне подробного исторического экскурса с античных времен до начала XIX века.

В «Московитянин» 1842 года делается ссылка на аналогию российского и древнеримского литературного образования: «Это образование следует у нас по тому же пути, какому следовало в древнем Риме. Оно восходит как солнце и сначала золотит только вершины гор, а потом мало-помалу проникает лучами и в глубокие долины. Так образование литературное у нас начинается с вершин общества, а затем проникает всюду» (Ч.1, № 1: 12). В «Ответе Г. Р. Державина М. Евгению» подробно сравниваются древнегреческий и латинский языки с русским языком по «стопосложению». Эти примеры показывают, сколь серьезными представлялись отечественным публицистам проблемы литературного творчества и развития языка. В этом же журнале 1856 года неизвестный автор в статье «Еще о русском воззрении на науку и начала общинности в древней России» обращает внимание на возможность реминисценции культурных традиций в России по примеру древних римлян, заимствовавших наследие древних греков.

В итоге, подробный сравнительный анализ содержания двух отечественных журналов («Лицей» 1806 года и «Московитянин» 1842–1856 годов издания) показал, что во всех выпусках присутствует в той или иной степени обращение к античной эпохе на уровне жанрового разнообразия, цитирования, переводов текстов, упоминания имен авторов, героев и исторических персон, а также географических названий. Следовательно, своеобразный античный «код» представлен в отечественных журналах XIX века весьма разнообразно. Однако количество названных показателей значительно снижается или исчезает вовсе к середине столетия, что свидетельствует о явной редукции античного наследия в отечественной публицистике от начала к середине XIX века. С культурологической точки зрения подобная редукция выглядит весьма закономерной в силу смены художественных стилей и изменившейся историко-культурной ситуации в России начала и середины XIX столетия.

*Исследование выполнено за счет гранта

Российского научного фонда № 22-18-00423, <https://rscf.ru/project/22-18-00423/>

Список литературы

1. Аристотель. Соч.: В 4 т. Т.4. М.: 1984. 830 с.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений, т. IX, М.: 1955. Изд-во АН СССР. 678 с.
3. Державин Г. Р. Евгению. Жизнь Званская // Г.Р. Державин. Стихотворения. Л.: Советский

писатель, 1957. С. 326–334.

4. Лицей. Периодическое издание Ивана Мартынова. СПб. 1806. [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_INFOCOMM5_1000343640/

5. Мордовченко Н. И. Журналистика начала XIX века // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т лит. (Пушкин. Дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. V. Литература первой половины XIX века. Ч. 1. 1941. С. 42–52.

6. Московитянин. Журнал, издаваемый М. Погодиным. Москва, 1842 г., 1856 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B2%D0%B8%D1%82%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%BD/1842>

7. Русская скульптура. Избранные произведения. Сост. А. Л. Каганович. Л.-М.: Советский художник, 1966. С. 1–17.

8. Трусова А. А. Развитие русской музыкальной культуры в 19 веке // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Искусствоведение. 2017. № 6. С. 4–9.

References

1. Aristotel'. Poetika [Poetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1957. 184 p. (In Russ.)
2. Belinskij V.G. Polnoe sobranie sochinenij, t. IX, M.: 1955. Izd-vo AN SSSR. 678 p. (In Russ.)
3. Derzhavin G.R. Evgeniyu. ZHizn' Zvanskaya // G.R. Derzhavin. Stihotvoreniya. L.: Sovetskij pisatel', 1957. P. 326–334. (In Russ.)
4. Litsey. Periodicheskoye izdaniye Ivana Martynova. SPb. 1806. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_INFOCOMM5_1000343640/(accessed on August 22, 2022). (In Russ.)
5. Mordovchenko N. I. ZHurnalistika nachala XIX veka // Istoriya russkoj literatury: V 10 t. / AN SSSR. In-t lit. (Pushkin. Dom). — M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1941—1956. T. V. Literatura pervoj poloviny XIX veka. CH. 1. 1941. P. 42—52. (In Russ.)
6. Moskovityanin. ZHurnal, izdavaemyj M. Pogodinym. Moskva, 1842, 1856. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B2%D0%B8%D1%82%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%BD/1842> (accessed on April 05, 2023). (In Russ.)
7. Russkaya skul'ptura. Izbrannye proizvedeniya. Sost. A. L. Kaganovich. L.-M.: Sovetskij hudozhnik, 1966. P. 1—17. (In Russ.)
8. Trusova A.A. Razvitie russkoj muzykal'noj kul'tury v 19 veke // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. Iskuststvovedenie. 2017. № 6. P.4-9. (In Russ.)

ANCIENT CODE IN DOMESTIC JOURNALISM OF THE EARLY AND MID-NINETEENTH CENTURY: COMPARATIVE ANALYSIS

SUVOROVA
Irina

*Doctor of Culturology,
Professor of Philosophy and Culture studies Department,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation, suvmih@list.ru*

Keywords:

domestic journalism
ancient heritage
reception
classicism
artistic style

Summary:

The article examines the problem of reception of ancient heritage in Russian journalism of the 19th century using the example of two magazines: *Lyceum* of 1806 and *Moskovityanin* published in 1842-1856. The research methodology is based on a comparative statistical and content analysis of the texts of all issues of these publications. The comparison is based on a number of indicators, including the number of referrals to antiquity, the use of ancient literary genres, the number of references to ancient authors, historical persons, images and geographical names, and the number of translations and citations. The study pays particular attention to the analysis of philosophical, literary and historical problems that are viewed by the nineteenth-century Russian publicists through the prism of the experience of ancient philosophers, poets and writers. As a result, it is concluded that the reception of ancient heritage is clearly observable in the Russian journalism of the 19th century, but this heritage is apparently reduced from the beginning to the middle of the century due to the change in artistic styles and in the historical and cultural situation as a whole.

УДК 141.3

ПРОБЛЕМА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ВЫБОРА В ТВОРЧЕСТВЕ У. С. МОЭМА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «НЕПОКОРЕННАЯ»)

**ВАСИЛЬЕВА
СВЕТЛАНА
ВЛАДИМИРОВНА**

*Кандидат философских наук,
доцент кафедры германской филологии и
скандинавистики,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
milorada07@mail.ru*

**ЯКОВЛЕВА
КСЕНИЯ
АЛЕКСЕЕВНА**

*Магистрант Института филологии,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
aleksalay@gmail.com*

Ключевые слова:

выбор
экзистенциализм
мораль
У. С. Моэм
«Непокоренная»

Аннотация:

в статье подробно рассматривается проблема выбора – с позиций философии экзистенциализма, морали и психологии, анализируются определения, предлагаемые различными исследователями данной проблематики. Под выбором понимается принятие решения, которое способно повлиять на дальнейшую экзистенцию, при этом решение может быть принято под воздействием различных факторов, которые оказывают давление на индивида при обдумывании решения. Среди факторов нередко выступает общественное мнение, которое способно навязывать укоренившиеся ценности, наиболее благоприятные для функционирования общества, и определенные модели поведения, прививаемые индивиду в детстве при общении с родителями, чьи отношения являются образцом поведения, используемым индивидуумом для снятия с себя ответственности за сделанный выбор. При этом причиной такого поведения служит недостаточная самостоятельность, возможный страх навредить себе и своему близкому окружению. Приводятся примеры литературных произведений, в которых главные герои оказываются в ситуации принятия решения, оцениваются причины того или иного выбора, в том числе в рассказе английского писателя Уильяма Сомерсета Моэма «Непокоренная», в котором главная героиня сталкивается с ситуацией выбора.

© 2023 Петрозаводский государственный университет

Получена: 28 мая 2023 года

Опубликована: 29 мая 2023 года

Введение

Проблема выбора является одной из центральных антропологических проблем, нашедших свое отражение, прежде всего, в философии экзистенциализма, а кроме того, в психологии, социологии и, конечно, в литературе. Наша статья посвящена проблеме выбора в литературных произведениях известного английского писателя XX столетия Уильяма Сомерсета Моэма и исходящей из нее проблеме ответственности.

Для начала обратимся к предмету экзистенциальной философии. Экзистенциализм можно представить в качестве способа осознать изменения, происходившие на территории Европы в начале XX столетия. Наиболее известными представителями данного направления во Франции выступали Жан-Поль Сартр и Альбер Камю, в России – Николай Александрович Бердяев, в Италии – Никола Аббаньяно, в Германии – Карл Ясперс и Мартин Хайдеггер. При этом в качестве своих предшественников мыслители данного направления выделяли Фридриха Ницше и Сёрена Кьеркегора. По мнению исследователя А. Г. Зарубина, в качестве бытия экзистенциалисты понимают некоторую непосредственную нерасчлененную «целостность субъекта и объекта, человека и мира» [6]. Соответственно, подлинным бытием является «само переживание человеком своего “бытия-в-мире”» [6]. Бытие есть человеческое существование, которое нельзя познать «ни научными, ни рационалистически-философскими средствами» [6]. Постичь собственную экзистенцию человек способен в кризисных ситуациях – например, оказавшись перед лицом смерти. По своей природе человеческая экзистенция является конечной, поэтому человек должен ценить то, что представляет собой земную суету, и помнить о собственной смертности. Альбер Камю размышлял о вопросах конечности человеческого существования и считал его абсурдным ввиду того, что человек осознает конечность собственной жизни, однако осознание данной истины должно пробуждать в нем «мужественное достоинство продолжать жить вопреки всему...» [6], т. е., по мнению философа, человеку необходимо вступить в бой с жизнью и бунтовать против абсурда вместо того, чтобы сбежать от абсурда – совершить суицид [6].

Выбор с позиций философии экзистенциализма

Рассмотрим понятие выбора с точки зрения философии экзистенциализма. С позиций данного направления экзистенциальный выбор представляет собой любой выбор, который осуществляется человеком в процессе своего существования. Так, в течение жизни человек постоянно совершает выбор, который определяет характер его дальнейшей экзистенции [2; 178].

Представитель данного направления во французской философии Жан-Поль Сартр дает такую трактовку фундаментального экзистенциального выбора человека: «...это выбор своего жизненного проекта, выбор себя, сопряженный с проявлением экзистенциальной ответственности (ответственности за человечество в целом), принятием неопределенности и переживанием тревоги...» [8; 14].

Данное определение указывает на то, что выбор человека всегда тесно связан не только с проявлением ответственности, направленной в отношении человека, который данное решение принимает, но и в отношении тех, на кого оно может повлиять в будущем.

В философии Альбера Камю проблема экзистенциального выбора является одной из сквозных тем. При этом экзистенциальный выбор рассматривается философом не столько в качестве интеллектуальной задачи, сколько в качестве проблемы морально-этического, философского, психологического и социального характера. Так, «на передний план его понимания выступает внерациональный подход к выбору как к непосредственному переживанию человеком своего “бытия-в-мире” в актах заботы, страха, тревоги, любви, ненависти, решимости, раскаяния, отчаяния, надежды» [4; 127].

Никола Аббаньяно, итальянский философ-экзистенциалист, рассматривает выбор в качестве экзистенциального акта, который включает «в себя неопределенность и риск»; это «соединение будущей ситуации и прошлого в решении настоящего» [8; 15]. Неопределенность при принятии решения оказывает значительное эмоциональное давление на принимающего решение субъекта, ведь, делая выбор, он рискует лишиться того, что уже имеет, но, по-видимому, что не является для него удовлетворительным. Таким образом, можно предвидеть ситуацию, при которой субъект, оставшись без того, что составляло определенную часть его самого, становится только несчастнее от одной мысли возможного лишения, не зная наверняка, каков будет исход выбранного пути развития событий.

Таким образом, экзистенциальный выбор является главным в ряду возможностей выбора, так как он напрямую связан с бытием человека в мире, с его сущим, в котором реализуется его жизненный проект. Помимо понятия экзистенциального выбора необходимо обратиться к понятиям морального и психологического выбора.

Выбор с позиций морали

Исследователь А. А. Косорукова определяет моральный выбор как «выбор между добром и злом, добродетелями и пороками, но и как выбор чего-либо как должного принципа поведения» [7; 324] Так, на основании данного определения можно сделать предположение, что совершая моральный выбор, человек так или иначе руководствуется представлениями общества о хорошем и плохом. Для того, чтобы соответствовать общепринятым нормам и принципу должного поведения, индивид способен принять решение, противоречащее его собственным интересам или выгоде, таким образом оставаясь «пригодным» субъектом, чье поведение в определенной ситуации будет одобрено общественным мнением.

Кроме того, будучи существом биосоциальным, человек не может полностью отстраниться от общественного мнения. Соответственно, делая выбор в пользу скорее порицаемого обществом варианта поведения, нежели одобряемого, он может в дальнейшем испытывать внутренние переживания (укоры совести), вызванные собственным поступком.

Для датского мыслителя Сёрена Кьеркегора, рассматривавшего человеческую экзистенцию с позиции веры в Бога, моральный выбор есть «феномен, через который проявляется идея свободы и абсолютного долга (долга перед Абсолютом). Сделав выбор, душа остается наедине с собой, уединяется от всего мира и созерцает Бога» [7; 324]. Данное определение показывает, что, совершая моральный выбор, человек оказывается ответственным не только перед обществом, но и перед Богом, который наблюдает за действиями своего творения. Таким образом, человек может испытывать страх получить порицание не только со стороны своего окружения, но и Бога как сурового судьи, способного наказать.

По мнению русского религиозного и политического философа Николая Бердяева, любой индивид всегда стоит перед моральным выбором. Философ наделяет нравственность творческим характером, который побуждает индивида к самосовершенствованию и преобразованию окружающего мира [11; 68], так как «борьба со злом может происходить через творческое осуществление добра и преобразование зла в добро (благо), приближая богочеловеческий идеал» [11; 67]. Исходя из вышеуказанного, можно сделать вывод, что поведение, соответствующее моральным нормам, всегда носит положительный характер как для индивидуума, так и для общества. При этом трудно не отметить тот факт, что человек вынужден соответствовать представлениям, которые укоренились в обществе и являются незыблемыми, даже если принятое решение будет неприемлемым для самого человека, он вынужден соответствовать нормам морали, чтобы не испытывать стыд и страх перед Богом и общественным мнением.

В этой связи нельзя не упомянуть Фридриха Ницше, который в качестве основной задачи своей философии рассматривает «пробуждение человечества от созданных им иллюзий в изложении уникального способа бытия на пути к формированию нового общества» [3; 40]. Немецкий философ видит в морали «нечто проблематичное», так как «ни одна система ценностей не отвечает действительным потребностям человека» [3; 40]. С данным утверждением сложно не согласиться, так как при принятии решения человек, опирающийся на нормы морали, выбирает менее приемлемый для себя вариант развития событий, который будет удобен для общества. Для того чтобы избавиться от морали, которая выступает в качестве механизма, сдерживающего развитие общества, философ предлагает избавиться от религии, которая так или иначе возлагает на человека верующего обязанность соблюдать моральные нормы и не преступать закон Божий. Можно предположить, что избавление от религиозного давления способно качественно повлиять на индивида. Оно дает возможность принимать решение в свою пользу, т. е. развивает самостоятельность в выборе, тем самым способствует формированию нового общества.

Таким образом, подводя итоги размышлениям о моральном выборе человека, можно отметить, что, совершая моральный выбор, индивид руководствуется моральными нормами, укоренившимися в определенном обществе в определенный момент времени. При этом в случае выбора в пользу одобряемого, человек способствует самосовершенствованию и оказывает влияние на положительное развитие общества. Неприемлемый выбор вызывает чувство страха и стыда, с одной стороны, перед обществом, которое способно отвергнуть индивида ввиду неповиновения устоявшимся нормам, и, с другой стороны, перед Богом (если индивид является верующим) как перед судьей, наблюдающим за действиями человека, кроме того, способным должным образом его наказать за несоблюдение строгих правил морали.

Выбор с позиций психологии

Перейдем к рассмотрению вопроса совершения выбора с позиций психологии. Говоря о психологическом выборе, необходимо отметить, что в зарубежной и отечественной психологии понятие выбора рассматривается с позиций различных подходов и направлений.

Так, австрийский психолог Зигмунд Фрейд отмечает связь особенностей выбора с характером психосексуального развития, а также с характером взаимоотношений с родителями, защитных механизмов и способности к сублимации [5; 48].

Любой совершаемый человеком выбор является результатом его отношений с родителями с самых ранних этапов его жизни. Родители выстраивают фундамент, на который опирается индивид в течение жизни. Соответственно, основательный фундамент наделяет человека способностью принимать взвешенные и обдуманые рациональные решения, положительно сказывающиеся на его дальнейшем существовании. Проблемы во взаимоотношениях с родителями лишают человека серьезной опоры, помогающей быть ответственным перед собой и теми, на кого повлияет данное решение. Кроме того, способность к сублимации помогает человеку оставаться приемлемым членом общества, т. е. помогает индивиду подавлять запретные желания и трансформировать их в одобряемые общественные занятия. Неспособность преобразовать потаенные желания оказывает влияние на поведение человека, а также на принятие им решений, которые могут пагубно сказаться на нем и на его окружении.

Обратимся к вопросу выбора с позиции индивидуальной психологии Альфреда Адлера, который обуславливает выбор «балансом неполноценности-превосходства, уровнем социальной адаптации, порядком рождения и способностью к кооперации» [5; 49]. Так, социально неадаптированный индивид склонен к развитию чувства неполноценности, которое может быть преодолено только в случае появления комплекса превосходства. Можно предположить, что чувство неполноценности оказывает значительное влияние на принятие решения индивидом. Так, испытывая чувство ущербности и полагая, что окружающие по определенным характеристикам его превосходят, он способен делать выбор не в свою пользу, считая, что он не имеет права принять выгодное для себя решение, так как он по определенным причинам недостоин этого.

Абрахам Маслоу понимает выбор как необходимый элемент здорового развития личности [5; 50]. С данным представлением сложно не согласиться, так как, принимая решение, индивид вынужден перебрать все возможные варианты развития событий, т. е. максимально задействовать мыслительную активность, более того, оценить возможный ущерб в случае принятия неправильного решения, а также взять на себя ответственность, если принятое решение может повлиять не только на него самого. Таким образом, каждый совершенный выбор может быть представлен в виде сложной математической задачи, даже если решение окажется не совсем верным, в будущем индивид будет осознавать то, как необходимо поступать в той или иной ситуации, соотносимой с аналогичным сценарием.

Не менее интересна цитата: в каждый момент своей жизни человек пребывает в состоянии выбора, «будучи вынужден выбирать между безопасностью и развитием» [5; 50]. Анализируя данную мысль, можно предположить, что при совершении любого выбора индивид ставит перед собой вопрос: принять решение с позиции собственной безопасности и остаться в зоне комфорта или пойти на определенный риск, который может в будущем повлиять на развитие его личности, привнести новый опыт, который будет использован в дальнейшем для принятия решений.

В то же время сценарная теория Эрика Берна говорит о том, что любой выбор, совершаемый человеком, базируется на определенном сценарии, который был бессознательно передан родителями своим детям в возрасте 5–6 лет в виде «жестко закрепленных образцов поведения» [5; 51]. Наличие определенного образца поведения несколько облегчает задачу при принятии решения, ведь индивид уже обладает определенным набором действий в конкретной ситуации, что снимает трудность при обдумывании решения. Однако человек, бессознательно следующий поведенческому паттерну, ограничивает себя в собственных действиях. Он становится заложником поведения, которое кажется приемлемым и общественно одобряемым, что вновь возвращает нас к определению морального выбора, где ценности создаются и впоследствии активно поддерживаются обществом.

После выдвинутого предположения логично было бы представить выбор с позиции психологической концепции Карена Хорни, рассматривающего выбор невротика [5; 49]. В данном случае выбор может быть обусловлен различными способами преодоления тревожности, например, с помощью подчинения мнению других индивидуумов. Такой вариант снимает ответственность с личности при принятии решения, значительно облегчает процесс обдумывания, ведь есть тот, кто способен дать готовый и правильный (по его личному мнению) вариант. Кроме того, Карен Хорни полагает, что выбор зависит от пола, так значительные достижения мужчин в общественной и профессиональной деятельности могут быть объяснены «завистью к материнству» [5; 49].

Подводя итоги рассмотрению вопроса выбора с позиций психологии, можно сказать, что выбор индивидуума может быть обусловлен различными факторами, в числе которых могут быть установки, бессознательно закладываемые в детском возрасте, взаимоотношения с родителями, комплексы,

которые постепенно развиваясь, создают определенные модели поведения человека в той или иной критической ситуации, требующей принятия решения.

Проблема выбора в литературных произведениях

Что касается художественной литературы, то на протяжении всего XX века писатели обращались к темам, напрямую связанным с упомянутой проблематикой. В своих произведениях они рассматривали вопрос выбора, который совершали герои произведений в различных ситуациях.

Вопросы экзистенциального выбора затрагивал в своих произведениях американский писатель Фрэнсис Скотт Фицджеральд в романе «Великий Гэтсби». Нельзя не отметить рассуждения Ника Кэроуэя и оценку, выносимую действиям Дейзи и ее супруга Тома Бьюкенена: «Я не мог простить или полюбить его, но я видел, что то, что он сделал, было для него полностью оправдано. Его поступок был безответственным и сумбурным. Они были беспечными людьми, Том и Дэйзи – они крушили вещи и существ, а затем возвращались к своим деньгам, или к своей безграничной легкомысленности, или к тому, что удерживало их вместе, и позволяли другим людям убирать беспорядок, который они устроили...» [11; 175].

После смерти любовницы Тома Бьюкенена, которая была сбита его супругой, Дэйзи Бьюкенен принимает решение остаться со своим мужем, который долгое время изменял ей, и избежать ответственности за содеянное. Таким образом, виновником трагического события становится Джей Гэтсби, который и принимает на себя гнев мужа убитой в виде выстрела. Герои романа скрываются, уходят в тень, сбегают, чтобы продолжить жить так, словно они никогда и не знали имени Гэтсби. Говоря о решении Дэйзи, нельзя не задаться вопросом, почему девушка предпочитает остаться в роли несчастной супруги, живущей с мужчиной, который не уважает ее, изменяя ей, чей буйный характер значительно отличается от ее нежной и чувственной натуры? Можно предположить, что данное положение кажется ей наиболее приемлемым. Возможно, ключевую роль в ее решении играет страх перед супругом, который не отдал бы ее своему сопернику, или же безмерное счастье кажется ей неправильным, и она делает выбор в пользу страдания.

Проблему экзистенциального выбора затрагивает и скандинавский прозаик Вильгельм Муберг в произведении «Мужняя жена», где перед главной героиней Мэрит встает непростой выбор: остаться жить обеспеченно вместе со своим мужем Повелем, к которому она не испытывает ни любви, ни симпатии, и который видит в ней лишь часть домашнего хозяйства, или уйти от общества в леса вместе с Хоканом, мужчиной, близким ей по духу.

В предисловии к книге И. П. Куприянова отмечает, что «...то положение “двоемужницы”, в которое ставит Мэрит страх людского суда и стремление сохранить материальное благосостояние, противно природе, а следовательно, и аморально. Предвестием нравственного краха, угрожающего героям, становится в повести поступок Мэрит, убивающей своего нерожденного ребенка и тем самым посягающей на вечные законы природы» [1; 10].

Героиня повести совершает выбор, отказавшись от нерожденного ребенка, а вскоре навсегда распрощавшись с сытой и спокойной жизнью рядом с нелюбимым человеком. Мэрит принимает рискованное решение, которое в будущем несомненно скажется на ее репутации, но будет ли ей до этого дело, если она будет рядом с тем, с кем действительно счастлива? Таким образом, ее решение есть экзистенциальный акт, который включает в себя неопределенность и риск.

Нельзя не обратиться и к творчеству немецкого писателя Германа Гессе и его произведению «Степной волк», в котором главный герой обладает двойственной натурой, сочетая в себе характер человека и степного волка, натуры, стремящейся к страданию и к смерти как логическому завершению земных страданий. Так, перед Гарри Галлером встает выбор наложить на себя руки и навеки избавиться от мучения вести одинокий образ жизни или же продолжать быть вне общества, тяготясь собственной экзистенцией. Когда наступает важный момент принятия решения навсегда распрощаться с жизнью, главный герой романа испытывает страх перед свершением давно задуманного. Он заходит в ресторан, в котором знакомится с девушкой Герминой, относящейся к нему с материнской заботой. Она объясняет ему, что он не знает жизни, не умеет получать удовольствие от простых вещей, которые и делают человека счастливым. Так, они начинают свое общение, постепенно она учит его танцевать, сближает его со своей знакомой и вводит его в яркое и бурное общество, которое прежде было таким далеким для главного героя. Однако резкая смена стиля жизни не единственный фактор, который способен повлиять на принятие решения прервать собственное существование и избавиться себя от страданий. В конце романа герой познает себя с помощью транса, в котором он оказывается. Так, он видит эпизоды из своей жизни, переживает прежде упущенные возможности и пробует жизнь на вкус. Таким образом, можно предположить, что на принятие решения свести счеты с жизнью может в определенной степени

повлиять самоанализ.

Вопросы экзистенциального выбора поднимал в своих произведениях и английский писатель Уильям Сомерсет Моэм. Прежде чем рассмотреть данный вопрос, обратимся к его биографическим данным.

У. С. Моэм: краткие биографические сведения

«Я неудачник... Каких только ошибок я не совершал в жизни! Жизнь у меня получилась никудышная, у меня все валилось из рук... Те немногие, кто хорошо меня знал, в конце концов, начинали меня ненавидеть» [9; 5].

Данную цитату решает поместить переводчик Александр Яковлевич Ливергант на первой странице в книге «Сомерсет Моэм», являющейся одним из выпусков серии биографий «Жизнь замечательных людей». С помощью цитаты из беседы писателя с Робинем Моэмом, племянником, он будто заранее готовит читателя к отношению автора не только к себе как личности, но и непосредственно к своему творчеству.

Несмотря на тот факт, что Сомерсет Моэм являлся одним из наиболее преуспевающих английских писателей XX столетия, в автобиографических заметках «Подводя итоги» он в качестве своего недостатка называет отсутствие воображения: «Но хотя выдумка у меня богатая – что неудивительно, поскольку мир так богат разнообразными людьми, – большой силой воображения я не наделен... Я неспособен на долгий полет, не уношусь на могучих крыльях в надзвездные сферы. Фантазию мою, от природы умеренную, всегда сдерживает мысль о жизненной достоверности. Мое дело – станковая живопись, а не фрески» [10; 424].

На это высказывание опирается и Теодор Спенсер в статье, опубликованной в 1947 году в журнале *The English Journal*: «У Моэма хорошая проза, однако в ней автор не достигает возвышенности. Его истории ограничены во времени и пространстве, у них нет четвертого измерения. Без сомнения, именно на этот недостаток ссылается Моэм, когда говорит, что у него было “небогатое воображение”. Его изображение художника в романе “Луна и грош” и прозаика в романе “Пироги и пиво” являются изображениями определенных личностей в определенных ситуациях, а не образом творческого человека в целом; в его представлении мы упускаем глубокую пронизательность в качестве завершающего штриха, которая открывает общее при помощи частного». [14; 526].

При всем том, что Моэм занимался самокритикой по поводу отсутствия у себя воображения, мы не можем согласиться с этим. Все дело в том, что его произведения точно – без прикрас – отображают простую, иногда рутинную, человеческую жизнь, но сюжеты его коротких новелл и рассказов всегда оставляют глубокий след в душе читателя. Они касаются всех и каждого, те перипетии, которые происходят с героем, могут случиться с каждым – при определенном повороте в жизни – и именно поэтому они так ценны и не нуждаются в приукрашивании сюжета. Об этом пишет исследователь Вудбёрн О. Росс: «И, конечно, я не имел дела с некоторыми превосходными качествами, которые проявляет Моэм – необыкновенной прямоотой, простотой высказывания и выдающейся способностью четко формулировать части сюжета и доводить их до драматической кульминации». [15; 122].

В своем предисловии к избранным произведениям писателя В. А. Скороденко пишет: «Писатель неизменно выступал против нарочитой усложненности формы, заведомой неясности выражения мысли, особенно в тех случаях, когда непонятность ... рядится в одежды аристократизма» [10; 9].

Таким образом, стиль английского автора характеризуется простотой, ясностью и лаконичностью, однако несмотря на легкость изложения, писатель без труда представлял читателям жизненные сложности, с которыми сталкивались персонажи его произведений, а также оказывались в ситуациях выбора.

Рассказ «Непокоренная»

Для того чтобы подробнее изучить вопрос выбора, который совершают персонажи Сомерсета Моэма, проанализируем рассказ «Непокоренная». Действие рассказа разворачивается в годы Второй мировой войны в Суассоне, Франция. Действующими лицами являются молодая француженка Аннет и немецкий солдат Ганс, который вместе со своим приятелем, находясь на территории Франции, сбивается с пути и решает обратиться за помощью к фермерской семье. Французы принимают их гостеприимно и угощают двумя бутылками вина. Выпив вина, Ганс подмечает, что фермерская дочь наделена присущей французским девушкам изящностью, которой лишены немки. Ганс решает на прощание поцеловать девушку, так как она начинает настаивать на том, чтобы немецкие солдаты поскорее покинули их дом. В результате ее сопротивления и стремления родителей защитить дочь, Ганс в порыве ярости ударяет старика, грубо отпихивает старуху, бросившуюся ее выручать, и насилует молодую девушку.

Следующая встреча двух главных героев происходит спустя три месяца после вышеуказанных событий. Ганс решает выступить в роли доброго парня и в качестве подарка решает привезти девушке шелковые чулки для того, чтобы она поняла, что он не держит на нее зла, ведь это она спровоцировала его поведение своим неповиновением поцеловать его. Девушка пытается прогнать его, но Ганс, узнав о нуждах, которые испытывает фермерская семья, решает помочь им и привезти еду. Визиты Ганса на ферму становятся привычным делом, за правило он принимает не являться на ферму с пустыми руками. Со временем ему удается наладить отношения с родителями Аннет, однако девушка не становится от этого более расположенной к нему. В один из его визитов он затевает разговор и предлагает девушке образумиться, как сделали ее родители, именно тогда он и узнает, что она беременна от него. Новость о том, что Аннет вынашивает его ребенка, приводит его к мысли, что он любит ее, от этого его охватывает чувство счастья, и вскоре он начинает строить планы о предстоящей женитьбе.

Аннет в свою очередь воспринимала беременность как бремя. Она предпринимала попытку избавиться от нежеланного ребенка, но один из врачей, будучи ревностным католиком, не позволил проводить процедуру аборта, объяснив это тем, что девушка не одинока в подобном деле. Другой врач оказался арестован захватчиками. Лекарство, предложенное акушеркой для прерывания беременности, оказало губительное влияние на здоровье девушки, но не избавило ее от тяжелой ноши.

Несмотря на тот факт, что у Аннет был жених, с которым они планировали обручиться после войны, родители соглашаются отдать дочь замуж за Ганса, привлеченные тем, что он будет помогать им на ферме.

Наступает кульминационный момент рассказа – Аннет рождает мальчика. Ганс приезжает на ферму, чтобы отпраздновать радостное событие, увидеть свою возлюбленную и своего сына. Однако девушка исчезает вместе с ребенком, а вскоре появляется вымокшая и смертельно бледная в ночной сорочке и тонком халатике. На вопрос матери: где ребенок? Аннет медленно подводит присутствующих к тяжелой развязке – она сделала то, что велел ей долг, а именно избавилась от ребенка захватчика, опустив его в ручей и продержав его под водой до того момента, пока он не захлебнулся.

Таким образом, главная героиня делает свой выбор – она остается непокоренной. Она решает сопротивляться захватчикам, не подстраиваться под условия, которые диктуют новые хозяева, уподобившись родителям, которые предпочли закрыть глаза на поступок Ганса, не держать на него зла, ведь после смерти их сына им необходимы мужские руки на ферме, которые будут помогать вести хозяйство и обеспечивать их едой. Возникает естественный вопрос: делает ли героиня такой выбор, потому что она должна поступать подобным образом, т. е. умертвить собственного ребенка? Отсутствует ли у нее выбор? Героиня делает осознанный и смелый, хоть и бесспорно аморальный поступок, лишив жизни невинное существо. Однако, если вернуться к поступку, который совершает Ганс в самом начале рассказа, можно ли назвать поступок героини безнравственным и жестоким? Не было ли жестоким поведение солдата в отношении людей, которые отнеслись к нему доброжелательно? Получается, что героиня делает осознанный выбор отомстить тому, кто неоправданно жестоко отнесся к ней и ее семье.

Любовь, которую испытывает Ганс к девушке, когда он узнает, что она беременна, не кажется искренней и правдоподобной. Его желание понравиться ей и ее семье не способствует созданию положительного образа персонажа. Важным моментом рассказа является и то, что непокоренным существом остается и старая дворняжка, которая прожила на ферме много лет. Она свирепо лает на него, несмотря на то, что он несколько месяцев пытался приручить ее. В ответ на поведение собаки Ганс грубо отшвырнул ее сильным пинком, что вновь подтверждает жестокость его натуры.

Выбор главной героини может быть проанализирован с различных теоретических позиций понимания вопроса выбора. Говоря о моральном выборе, нельзя не отметить тот факт, что девушка будто не испытывает угрызений совести во время свершения акта детоубийства, ее слова звучат сухо, в них нет эмоций и переживаний. Однако когда она падает в кресло и начинает рыдать, возможно, она начинает постепенно выходить из шокового состояния, и ее начинают мучать угрызения совести за смерть собственного ребенка. Данный поступок кажется аморальным ввиду жестокости в отношении невинного существа, но в то же время нельзя не отметить, что главная героиня действует согласно долгу перед собственной родиной. Она не хочет воспитывать ребенка, зачатого насильственным путем солдатом, напавшим на ее родной дом и ее страну. С позиций психологии можно предположить, что данное решение – это выбор сформировавшейся личности, которая приняла решение не в пользу собственной безопасности (т. е. воспитывать ребенка и жить с Гансом), не опираясь на определенные паттерны поведения, закладываемые родителями в детстве, она действует решительно, не тратя время на раздумья, чтобы не струсить и довести дело до конца. Она не руководствуется мнением родителей

(не советуется с ними), так как считает их поведение весьма опрометчивым, когда они соглашаются на брачный союз молодых людей, тем самым выражая свою покорность перед захватчиком. Они попросту пытаются адаптироваться к новым условиям жизни, что может казаться девушке неправильным.

С позиции экзистенциальной философии главная героиня стояла перед выбором своего жизненного пути. С одной стороны, она могла стать супругой Ганса и растить вместе с ним ребенка, покорившись его воле и простив ему жестокость и унижение. Была бы она довольна своей жизнью? Не тяготилась бы она в таком случае собственным существованием? Возможно, будь главная героиня менее решительной и более слабохарактерной, она бы никогда не пошла на подобный риск. Но поступок, совершенный главной героиней, есть своего рода месть, которая становится еще более жестокой, так как жертвой мести становится невинное существо. Однако говоря о невинности ребенка, нельзя не отметить тот факт, что она и ее родители не совершали никакого зла немецким солдатам, когда они зашли в их дом с просьбой показать дорогу, напротив, они оказали им гостеприимный прием. Почему они были вынуждены стать жертвами жестокости, а затем принять человека, совершившего данный поступок в свою семью и жить, словно его пребывание естественно для них?

Заключение

Таким образом, в ходе изучения проблемы выбора в рассказе Сомерсета Моэма «Непокоренная» с позиций философии, психологии и морали удалось сделать вывод, что выбор как таковой представляет собой достаточно сложный акт принятия решения, которое может оказать значительное влияние на бытие личности в будущем. Это способность личности сделать шаг навстречу неизвестному и пойти на риск с целью получения опыта и осуществления своего жизненного проекта. На принятие решения могут повлиять различные факторы, которые связаны с окружением человека и ценностями, которые были сформированы и продолжают поддерживаться обществом, в котором индивид существует. Важными факторами являются взаимоотношения на ранних этапах жизни с родителями, их поведение в процессе воспитания ребенка, способное в дальнейшем перерасти в комплексы, затрудняющие процесс принятия решения. Аннет, героиня рассказа, своим решением показывает, что она способна преодолеть в себе страх перед общественным мнением и перед судьей в лице Бога. Она действует, не опираясь на общепринятые ценностные установки, тем самым показывая, что данный вариант осуществления своего жизненного проекта оказывается более предпочтительным для нее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1) Банг Г., Муберг В., Стиген Т. Скандинавские повести: Пер. с датск., шведск., норвежск. / Сост. Ю. Я. Яхниной; Предисл. И. П. Куприяновой; Ил. А. П. Мелик-Саркисяна. — М.: Правда, 1982. — 432 с.
- 2) Буланов В.В. Феномен экзистенциального выбора // Вестник ТвГУ. Серия «Философия» – 2018. – №4 – С. 178-181. – URL: <http://eprints.tversu.ru/8655/> (дата обращения: 25.02.23)
- 3) Дадашова С.Н. Фридрих Ницше: по ту сторону религии и морали // История философии. – 2020. – Т. 25. – №1. – С. 39-48. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fridrih-nitsshe-po-tu-storonu-religii-i-morali/viewer> (дата обращения: 25.02.23)
- 4) Демидова С.А. Человек перед «Лицом» абсурда: проблема экзистенциального выбора в философии Альбера Камю // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке – 2016. – №3. – С. 127-133. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-pered-litsom-absurda-problema-ekzistentsialnogo-vybora-v-filosofii-albera-kamyu/viewer> (дата обращения: 25.02.23)
- 5) Зайцева Л.А. Понятие выбора в современной психологической науке // Российский психологический журнал. – 2018. – №8. – С. 48-56. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-vybora-v-sovremennoy-psihologicheskoy-nauke/viewer> (дата обращения: 25.02.23)
- 6) Зарубин А.Г. Философия экзистенциализма (проблема времени) / А.Г. Зарубин. – Текст: электронный. – URL: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/zarubin_philos_eczisten.htm (дата обращения: 25.02.2023).
- 7) Косорукова А.А. Моральный выбор как основа понимания морали (на примере идей С. Кьеркегора и Ф. Ницше) // Вестник РУДН. Серия «Философия». – 2017. – № 21(3). – С. 323-329. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moralnyy-vybor-kak-osnova-ponimaniya-morali-na-primere-idey-s-kierkegora-i-f-nitsshe/viewer> (дата обращения: 25.02.23)
- 8) Леонтьев, Д.А. Психология выбора [Текст]: монография / Д.А. Леонтьев, Е.Ю. Овчинникова, Е.И. Рассказова, А.Х. Фам. – НПФ «Смысл», 2015. – 610 с.

- 9) Ливергант А. Я. Сомерсет Моэм. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 283 с.
- 10) Моэм, Сомерсет. Избранные произведения в 2-х томах. Том 1. Романы. Пер. с англ./Составл. и Предисл. В. Скороденко. – М.: Радуга, 1985. – 560 с.
- 11) Руженцев С.Е. Н.А. Бердяев о морали и политике // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2018. – №4 (28). – С.65-71. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/n-a-berdyayev-o-morali-v-politike/viewer> (дата обращения: 25.02.23)
- 12) F. Scott Fitzgerald. *The Great Gatsby Library and Archives Canada Cataloguing in Publication*, 2007. – 257 p.
- 13) Maugham W. *Somerset Sixty-Five Short Stories*. William Heinemann Limited & Octopus Books Limited, 1976. – 937p.
- 14) Spencer T. Somerset Maugham // *The English Journal*. – 1940. – №29 (7). – P. 523-532. URL: <https://doi.org/10.2307/805564>. (дата обращения: 27.11.22).
- 15) Woodburn O. Ross W. Somerset Maugham: Theme and Variations // *The English Journal*. – 1947. – №36 (5). – P. 219-228. URL: <https://doi.org/10.2307/807777> (дата обращения: 27.11.22).

REFERENCES

- 1) Bang G., Muberg V., Stigen T. *Scandinavian stories: Translated from Danish, Swedish, Norwegian.* / Comp. by Yu. Ya. Yakhnina; Preface by I. P. Kupriyanova; Il. by A. P. Melik-Sarkisyan. — М.: Pravda, 1982. — 432 p.
- 2) Bulanov V.V. The phenomenon of existential choice // *Bulletin of TvSU. Series "Philosophy"* – 2018. – No. 4 – pp. 178-181. – URL: <http://eprints.tversu.ru/8655/> (accessed: 25/02/23) (In Russ.)
- 3) Dadashova S.N. Friedrich Nietzsche: Beyond religion and morality // *History of philosophy*. – 2020. – Vol. 25. – No. 1. – pp. 39-48. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fridrih-nitsshe-po-tu-storonu-religii-i-morali/viewer> (accessed: 25/02/23) (In Russ.)
- 4) Demidova S.A. A man in the "Face" of the absurd: the problem of existential choice in the philosophy of Albert Camus // *Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East* – 2016. – No. 3. – pp. 127-133. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-pered-litsom-absurda-problema-ekzistentsialnogo-vybora-v-filosofii-albera-kamyu/viewer> (accessed: 25/02/23) (In Russ.)
- 5) Fitzgerald F.S. *The Great Gatsby Library and Archives Canada Cataloguing in Publication*, 2007. – 257 p.
- 6) Kosorukova A.A. Moral choice as the basis for understanding morality (on the example of the ideas of S. Kierkegaard and F. Nietzsche) // *Bulletin of the RUDN. The series "Philosophy"*. – 2017. – No 21(3). – Pp. 323-329. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moralnyy-vybor-kak-osnova-ponimaniya-morali-na-primere-idey-s-kierkegora-i-f-nitsshe/viewer> (accessed: 25/02/23) (In Russ.)
- 7) Leontiev, D.A. Psychology of choice [Text]: monograph / D.A. Leontiev, E.Yu. Ovchinnikova, E.I. Rasskazova, A.H. Pham. – NPF "Sense", 2015. – 610 p.
- 8) Livergant A. Ya. Somerset Maugham. – М.: Molodaya gvardiya, 2012. – 283 p.
- 9) Maugham, Somerset. Selected works in 2 volumes. Volume 1. Novels. Translated from English./Compiled and Prefixed by V. Skorodenko. – М.: Raduga, 1985. – 560 p.
- 10) Maugham W. *Somerset Sixty-Five Short Stories*. William Heinemann Limited & Octopus Books Limited, 1976. – 937p.
- 11) Ruzhentsev S.E. N.A. Berdyayev on morality and politics // *Humanitarian Vedomosti of Tolstoy TSPU*. – 2018. – No 4 (28). – Pp.65-71. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/n-a-berdyayev-o-morali-v-politike/viewer> (accessed: 25/02/23) (In Russ.)
- 12) Spencer T. Somerset Maugham // *The English Journal*. – 1940. – no.29 (7). – P. 523-532. URL: <https://doi.org/10.2307/805564> . (accessed: 27.11.22).
- 13) Woodburn O. Ross. W. Somerset Maugham: Theme and Variations // *The English Journal*. – 1947. – No 36 (5). – P. 219-228. URL: <https://doi.org/10.2307/807777> (accessed: 11/27/12).
- 14) Zaitseva L.A. The concept of choice in modern psychological science // *Russian Psychological Journal*. – 2018. – No. 8. – pp. 48-56. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-vybora-v-sovremennoy-psihologicheskoy-nauke/viewer> (accessed: 25/02/23) (In Russ.)

15) Zarubin A.G. Philosophy of Existentialism (the problem of time) / A.G. Zarubin. Available at: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/zarubin_philos_eczisten.htm (accessed: 02/25/2023). (In Russ.)

THE PROBLEM OF EXISTENTIAL CHOICE IN WILLIAM SOMERSET MAUGHAM'S WORKS (BASED ON THE MATERIAL OF THE SHOR STORY "THE UNCONQUERED")

**VASILEVA
Svetlana**

*Candidate of philosophical sciences,
Associate Professor of the Department of Germanic
Philology and Scandinavistics,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, milorada07@mail.ru*

**YAKOVLEVA
Kseniya**

*Master degree candidate,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, aleksalay@gmail.com*

Keywords:

choice
existentialism
morality
William Somerset Maugham
The Unconquered

Summary:

The article thoroughly examines the problem of choice from the standpoint of the philosophy of existentialism, morality and psychology and analyzes the definitions proposed by various researchers of this issue. A choice is understood as making a decision that can affect further existence, while a decision can be made under the influence of various factors that put pressure on an individual when considering a decision. One of these factors is public opinion which is able to impose values engrained in peoples' heads that are most favorable for the functioning of society. Another factor is certain behaviors that are instilled in an individual in childhood when communicating with parents, whose relationship becomes a specific pattern of behavior that is later used by the individual to relieve themselves of responsibility for the choice made. At the same time, the reason for this behavior may be found in insufficient independence and possible fear of harming oneself and close ones. The article provides examples of literary works in which the main characters find themselves in decision-making situations and evaluates the reasons for making this or that choice. In particular, the author analyzes a short story of the English writer William Somerset Maugham entitled "The Unconquered", in which the main heroine faces a decision-making situation.

УДК 821.161.1

АВТОРСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ Б. ШЛИНКА «ВОЗВРАЩЕНИЕ»

**ШАРАПЕНКОВА
НАТАЛЬЯ
ГЕННАДЬЕВНА**

*доктор филологических наук,
заведующий кафедрой германской филологии и
скандинавистики,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
natshar@mail.ru*

**ЧЕПУШТАНОВА
АЛИСА
ЕВГЕНЬЕВНА**

*Студент кафедры германской филологии и
скандинавистики,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
alise.day8@gmail.com*

Ключевые слова:

Б. Шлинк
роман «Возвращение»
категория авторской модальности
текстовая модальность
средства выражения
авторская интенция
языковая личность
непреложные ценности

Аннотация:

В статье исследуется роман Б. Шлинка «Возвращение» в контексте сравнительно недавно открытой отечественными филологами функционально-семантической категории авторской модальности. Изучение данной категории на материале различных художественных произведений позволяет ученым делать выводы о художественной картине мира того или иного автора, его позиции, точках зрения, выраженных в произведении, ради сообщения их читателю. Актуальность данного исследования обусловлена сочетанием антропоцентрического и междисциплинарного подходов к изучению конкретного художественного текста, автор которого освещает проблему потерянности человека в современном мире и поднимает тему переосмысления вечных ценностей в стремительно развивающейся эпохе метамодерна. При помощи поуровневого анализа категории авторской модальности в ходе исследования были выявлены все необходимые речевые и структурно-содержательные компоненты текста с целью экспликации авторской интенции на ряд смыслообразующих в произведении концептов. В результате тщательного ознакомления с текстом романа «Возвращение» и его выборочного комментирования нами был сделан вывод об однозначной позиции Б. Шлинка относительно важности сохранения непреложных общечеловеческих ценностей в современном мире и невозможности их деконструкции без морального разложения личности.

© 2023 Петрозаводский государственный университет

Введение

Бернхард Шлинк (род. в 1944 году) является одним из ярчайших представителей новейшей литературы Германии. Его творчество пронизано когда-то особой для немецкого, а теперь и для мирового сознания, проблематикой: это вопрос о коллективной вине нации, причиной которой являются масштабные жестокие и преступные поступки, совершенные представителями этой нации в прошлом. Изучение этого комплекса проблем начало активно развиваться в связи с событиями и последствиями Второй мировой войны. Наряду с историей, философией и социальной психологией современная литература также пытается осознать возможные пути преодоления «темного» национального прошлого.

Наряду с Б. Шлинком на эту тему высказывались в своих произведениях такие зарубежные писатели, как Г. Бёлль, Г. Грасс и М. Марон. Анализ художественных произведений, охватывающих тематику последствий самой кровопролитной войны в истории человечества, является важной составляющей в процессе поддержания памяти об ошибках прошлого и сохранения нравственных идеалов человечества.

Интерес к личности и художественным произведениям Б. Шлинка неоспорим. Изучением его творчества занимаются как наши отечественные филологи [13; 14], так и ученые за рубежом [17; 18]. В последние десятилетия вышло большое количество научных статей, исследующих как содержательно-структурные, так и стилистические особенности прозы рассматриваемого нами автора. Например, в научной статье В. П. Андриенко и Е. А. Околовой [1] исследуется феномен прошлого как определяющий мотив творчества Б. Шлинка, а в 2021 году А. И. Гушиной была защищена диссертация на тему «Проблематика и художественные особенности произведений Бернхарда Шлинка» [10].

В данной статье нами впервые рассматриваются речевые и структурно-содержательные компоненты текста романа Б. Шлинка «Возвращение» [15] с целью анализа категории *авторской модальности* и, как следствие, экспликации точки зрения Б. Шлинка на ряд смыслообразующих в романе концептов.

О категории «авторская модальность»

В современной гуманитарной науке одной из тенденций исследования природы художественного произведения следует назвать *антропоцентризм*, который определен З. Я. Тураевой как «движение из сферы систем к центру всех этих систем – к человеку» [12: 105].

Литературоведы, текстологи, лингвисты и культурологи, чьи исследования претендуют на актуальность, не могут рассматривать текст иначе как продукт деятельности человека, т. е. автора – *языковой личности* реального человека. В таком случае осуществление анализа авторской интенции в художественном произведении, с нашей (и не только) точки зрения, представляется наиболее полным и объективным через рассмотрение текстообразующей категории **авторской модальности**.

Впервые термин «авторская модальность» был применен в 1987 году исследователем Л. Г. Барласом в его статье «Источники текстовой выразительности» [2], однако «фундамент» для изучения этой категории был заложен гораздо раньше. Несмотря на то, что к рассмотрению категории текстовой модальности¹ все чаще прибегают литературоведы в контексте *комплексного* анализа художественного текста, своим происхождением анализируемая категория обязана объективной модальности – лингвистическому понятию, подробно рассмотренному в середине XX века отечественным ученым В. В. Виноградовым [5] и его современниками.

Углубленный анализ этой лингвистической категории позволил отечественным исследователям, таким как Н. Ю. Шведова [9] и И. Р. Гальперин [7], выйти сначала на уровень понимания субъективной модальности высказывания, а затем осознать и проследить наличие текстообразующей функции этой категории и начать исследование непосредственно понятия «авторская модальность».

На сегодняшний день изучение данной категории представляет большой интерес для ученых-филологов, их исследования на эту тему носят как чисто теоретический [4; 8], так и практический характер [6; 16].

Учитывая тот факт, что понятие «авторская модальность» сформировалось относительно недавно и лишь набирает обороты в своем изучении, следует отметить, что трактовок этого понятия существует немало. Мы же в данной статье придерживаемся определения, сформулированного Н. С. Валгиной: «Модальность текста – это выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций, сформулированных ради сообщения их читателю» [3: 72].

О средствах выражения категории текстовой модальности писал еще М. Р. Гальперин в своей работе «Текст как объект лингвистического исследования», делая особый акцент на том, что то или иное стилистическое или языковое средство приобретает «вес» в отношении текстовой модальности

лишь при своем неоднократном повторении в ткани произведения, а «задача лингвиста-текстолога показать, систематизировать и обобщить эти “отголоски”» [7: 119], делая выводы об авторской модальности данного текста.

Этой точки зрения придерживаются и более современные ученые, хотя средства выражения и сама структура категории подверглись более тщательному анализу. В качестве примера мы приводим работу О. Е. Вихрян, внесшей неоценимый вклад в изучение авторской модальности, подробно описав уровни ее выражения: «В нашу задачу входит исследовать авторскую апперцепцию, т. е. исследовать <...> на всех уровнях художественной системы: идеологическом, композиционном и, главное, языковом» [6: 6].

О романе Б. Шлинка «Возвращение» и категории «авторской модальности»

Одним из первых отечественных литературоведов, обративших свой научный взор на произведения Б. Шлинка, стала Г. Э. Ионкис. В одной из своих статей [11] она упоминает следующий фрагмент из биографии Б. Шлинка, определивший главный мотив всего его последующего творчества: «У него был прекрасный учитель, который в 14–15 лет приобщил его к Достоевскому, Толстому, Диккенсу, Стендалю, Бальзаку. А потом выяснилось, что любимый учитель был гестаповцем... Подобное болезненное открытие озадачило многих немцев его поколения; факт, что любимый человек мог быть запятнанным, аукнется во многих его книгах».

Несмотря на то, что весь мир знает Б. Шлинка как писателя, чьи произведения не раз были отмечены международными литературными премиями, по образованию знаменитый немецкий писатель является юристом, а именно – крупным специалистом в области публичного права и правовой философии. Подобно тому, как герои произведений Б. Шлинка одновременно строят свою личную жизнь и пытаются разобраться в вопросах мироздания, сам автор уже не один десяток лет будто ведет двойную жизнь, занимаясь одновременно преподаванием в университете и написанием романов и рассказов.

Самым значительным художественным высказыванием Б. Шлинка, затрагивающего темы коллективной вины и преодоления прошлого, стал его роман «Чтец» (1995), ставший бестселлером и принесший автору «настоящую людскую славу», многочисленные приглашения на интервью и литературную премию Ганса Фаллады.

Однако стоит отметить, что художественные размышления автора не ограничиваются лишь этой тематикой – Б. Шлинка также рассуждает и о так называемых «вечных темах». Например, в его сборнике рассказов «Летние обманы» (2012) анализируется сама природа человека, его отношение к любви и предательству, а роман «Возвращение» (2006) стал логичным продолжением художественных размышлений автора о месте современного человека в новом мире – эпохе метамодерна, переосмысляющей концепты и ценности прошлого с целью нахождения новых человеческих ориентиров.

Являясь многопластовым и глубоким по своему содержанию произведением, этот роман собрал множество рецензий критиков – как положительных, так и негативных. Мы в свою очередь считаем, что Б. Шлинка успешно продолжает заниматься освещением и изучением выбранной им тематики – жизненный путь современного поколения немцев в контексте переосмысления и преодоления «темного» национального прошлого Германии.

По справедливому замечанию исследовательницы Т. А. Шарыпиной, «роман “Возвращение” – одновременно простое и сложное чтение» [14: 268]. Фабула произведения основана на детективной истории, где главный герой – Петер Дебауэр (принадлежащий к поколению «детей третьего рейха»²) – с азартом и интересом пытается разгадать концовку романа о возвращении солдата домой. Приближаясь к разгадке не только концовки, но и личности автора этого текста, герой узнает правду о своем якобы погибшем отце – Джоне Де Бауре, неоднократно сменившего фамилию, место жительства и биографию, чтобы избежать последствий своих оппортунистских взглядов и антигуманных, построенных на деконструкции права, теорий.

Помимо детективной фабулы, роман пронизан многочисленными интертекстуальными связями. Так в основу самого повествования Б. Шлинка закладывает переосмысление одного из главных сюжетов мировой литературы – «Одиссеи» Гомера, а именно – *мотива возвращения домой*. Напомним, после долгого отсутствия на Троянской войне Одиссей возвращается к себе, на Итаку, но возвращение это сопряжено многочисленными препятствиями и опасностями.

Обращаясь к анализу авторской модальности и классификации средств ее выражения, описанной О. Е. Вихрян, мы выделили в романе «Возвращение» на ментально-идеологическом уровне идею невозможности деконструкции непреложных нравственных ценностей без последующего морального

разложения личности.

Для воплощения этой идеи в своем романе Б. Шлинк использует образы главных героев и многочисленные выразительные средства, в том числе метафоры. Ключевыми для понимания творческого замысла автора являются собирательные образы Петера Дебауэра и Джона Де Баура – сына и отца, чьи отношения символизируют непреодолимую пропасть между двумя поколениями людей, строящих свою жизнь на основе определенных ценностей или же отрицающих их необходимость вовсе.

Подчеркивают идею Б. Шлинка и выявленные нами в тексте аксиологемы, или концепты *die Gerechtigkeit* (справедливость), *die Liebe* (любовь), *die Verantwortung* (чувство ответственности), *die Pflicht* (долг), являющиеся семантическими доминантами, концентрирующими вокруг себя лексемы, отображающие авторский замысел.

На лексико-грамматическом уровне выражения текстовой модальности в романе «Возвращение» мы отмечаем необычайно большое количество риторических вопросов, которыми автор насыщает размышления своего главного героя: «Какой урок я должен был вынести? Что я способен поступать дурно?» [15 :302] или «Что такое сотворила со мной моя матушка? Что такое сделал я сам с собой?» [15: 49].

По нашему мнению, риторические вопросы в тексте романа служат средством выражения интенции автора, а именно – его желания передать ту зыбкость, осторожность и непонимание, с которым сталкивается современный человек, находясь в поиске новых нравственных ориентиров и своего места в новом мире.

На композиционном уровне выражения авторской модальности исследователи производят анализ приемов построения художественного текста. Повествование в романе «Возвращение» ведется от лица Петера Дебауэра, оно разделено Б. Шлинком на пять частей, которые описывают жизненный путь, духовный рост и нравственное становление главного героя.

В первой главе романа описано его детство. Находясь вдали от городской суеты и достижений технического прогресса, юный Петер Дебауэр в разговорах со своим дедушкой – человеком образованным и консервативным – узнает о понятии «справедливость», для чего она нужна, что такое судебные ошибки, и в каких случаях они могут привести к положительному исходу событий: «И здесь мы тоже обсуждали мораль этих историй. Хотя сами истории были непростые. Ведь несмотря на то, что отличительным признаком судебной ошибки является несправедливость, знаменитые судебные ошибки зачастую приобретали историческое значение <...> а порой несправедливость приводила даже к справедливым последствиям» [15: 20].

Наиболее часто встречающиеся в первой части текста лексемы *die Ruhe* (покой), *die Liebe* (любовь), *die Bücher* (книги), *die Geschichte* (история) передают неподдельную атмосферу любви и просвещения, которой симпатизирует автор и в которой происходило взросление Петера, зарождение его взглядов на жизнь.

Центральная часть романа – главы 2, 3 и 4 – изображают уже взрослую жизнь героя. Опираясь на сюжет и идеи гомеровской «Одиссеи», Б. Шлинк отправляет Петера в свободное плавание, где герой сам должен, пройдя испытания, найти свое место в жизни, определить свои нравственные ценности и ориентиры.

Важно, что в этой части романа Петер Дебауэр постепенно начинает узнавать правду о своем отце. Б. Шлинк использует *вставные тексты* – письма, статьи, школьные сочинения отца, найденные главным героем, благодаря которым происходит косвенное знакомство сына с отцом, с его извращенным пониманием справедливости и зла как неотъемлемого двигателя прогресса. Далее мы приводим пример теоретических тезисов, лежавших в основе философских размышлений отца главного героя: «Германия сражается не на жизнь, а на смерть, и она требует огромных жертв от своих мужчин, женщин и детей. Поэтому *по-рыцарски* (курсив наш. – Н. Ш., А. Ч.) будет, если Германия станет обращаться с врагом с предельной жестокостью» [15: 150].

Пятая глава романа является ключевой для понимания авторской интенции. Петер Дебауэр прилетает в Америку, не раскрывая, кем на самом деле он приходится Джону Де Бауру, общается с ним, посещает его семинары и неосознанно принимает участие в жестоком, научно никак не мотивированном социальном эксперименте отца, окончательно повлиявшего на нравственный выбор главного героя. Б. Шлинк замыкает композицию своего романа, когда его герой принимает решение вернуться в Германию к своей возлюбленной Барбаре, взять под опеку сына своей бывшей подруги и жить в соответствии с тем пониманием правды и справедливости, о которой ему рассказывал в детстве дедушка: «Заключалась ли цель семинара в том, чтобы объединить его участников в сообщество людей, которые заглянули злу прямо в глаза и теперь готовы применять его в своих целях? Я не хотел входить в это

сообщество, иметь с ним что-либо общее» [15: 302].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, название романа – «Возвращение» – на композиционном уровне обобщает весь роман, символизируя не только возвращение героя на Родину, но и завершение его нравственных поисков, возвращение к непреложным общечеловеческим ценностям – справедливости, долгу, ответственности за свои поступки и любви.

В заключение нашего анализа выражения категории авторской модальности в романе «Возвращение» мы приводим следующий вывод: в картине мира языковой личности Бернхарда Шлинка все выше перечисленные ценности играют неопределимую роль для современного общества и служат моральной-эстетической опорой, способной помочь человечеству избежать ошибок прошлого и способствовать своему духовному росту и прогрессу.

Примечания

1. Понятия «текстовая» и «авторская» модальность синонимичны при рассмотрении текста как продукта деятельности одного или нескольких авторов.

2. Общеупотребительный термин «дети третьего рейха» описывает поколение людей, родившихся на территории Германии во время или сразу же после Второй мировой войны.

Список литературы

1. Андриенко В. П. Феномен прошлого в творчестве Бернхарда Шлинка (на примере романа «Чтец») / В. П. Андриенко, Е. А. Околова. – УДК 821.112.2 – Текст : электронный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – 2015. – Т. 1 (67). – № 4. – С. 68 – 72. – URL: <http://sn-philol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2017/02/011andrienko.pdf> (дата обращения:29.04.2023).
2. Барлас Л. Г. Источники текстовой выразительности / Л. Г. Барлас // Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов/на Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1987. – С. 30 – 35.
3. Валгина Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – Москва : Логос, 2004. – 278 с. – ISBN 5-94010-187-9.
4. Ваулина С. С. Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) / С. С. Ваулина, О. В. Девина. – УДК 811.161.1:161.26. – Текст : электронный // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2010. – № 8. – С. 13 – 21. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskaya-modalnost-kak-tekstoobrazuyuschaya-kategoriya-k-postanovke-problemy/viewer> (дата обращения:25.04.2023).
5. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / Предисл. Н. Шведовой ; АН СССР. Отд-ние литературы и яз. – Москва : Наука, 1975. – 559 с.
6. Вихрян О. Е. Языковые средства выражения авторской модальности в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» : автореферат дис. канд. филол. наук / О. Е. Вихрян ; изд-во РУДН. – Москва, 1990. – 13 с.
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Москва : Наука, 1981. – 139 с.
8. Голубева Т. И. Субъективно-авторская модальность в автобиографических текстах / Т. И. Голубева, Т. В. Салынская // Современное педагогическое образование. – 2019. – № 3. – С. 116 – 120.
9. Грамматика современного русского литературного языка / С. Н. Дмиитренко и др.; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – Акад. наук СССР, Ин-т русского яз. – Москва : Наука, 1970. – 767 с.
10. Гущина А. И. Проблематика и художественные особенности произведений Бернхарда Шлинка : дис. канд. филол. наук / А. И. Гущина ; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 2021. – 172 с.
11. Ионкис Г. Э. Явление Бернхарда Шлинка / Г. Э. Ионкис. – Текст : электронный // Литературный Европеец. – 2016. – № 49. – URL: le-online.org/2015-11-09-17-50-50/364-n49-mosty-ionkis (дата обращения: 20.04.2023).
12. Тураева З. Я. Лингвистика текста и категория модальности / З. Я. Тураева // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 105 – 114.
13. Чугунов Д.А. Особенности репрезентации прошлого в прозе Бернхарда Шлинка / Д. А. Чугунов. – DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-186-201. – Текст : электронный // Studia Litterarum. – 2020. – Т. 5. – № 2. – С. 186–201. URL : <http://studlit.ru/images/2020-5-2/Chugunov.pdf?ysclid=Ihj4aeod54435034939> (дата обращения:29.04.2023).
14. Шарыпина Т. А. Немецкая «Одиссея» Бернхарда Шлинка / Т. А. Шарыпина // Вестник

Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 1 (2). – С. 267 – 271.

15. Шлинк Б. Возвращение: Роман / Пер. с нем. А. Белобратова. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2010. – 320 с. – ISBN 978-5-389-05509-4.

16. Якимец Н. В. Категория авторской модальности в функциональном аспекте (на материале "Театрального романа" М. А. Булгакова) : автореферат дис. канд. филол. наук / Н. В. Якимец ; Нижегородский гос. пед. ун-т. – Нижний Новгород, 1999. – 23 с.

17. Dreike B. M. Was wäre denn Gerechtigkeit? Zur Rechtsskepsis in Bernhard Schlinks Der Vorleser / B. M. Dreike. – DOI: 10.1111/1468-0483.00218. – Text : electronic // *German Life and Letters*. – 2003. – Vol. – 55. – № 1. – S. 117–129. Available at : <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1468-0483.00218> (accessed:29.04.2023).

18. Wheeler A. M. «How do I speak about the Past?» : Bernhard Schlink and the Genre of Väterliteratur.: a dissertation submitted in fulfilment of the requirements for the degree of Master of Arts/ A. M. Wheeler ; University of the Witwatersrand. – Johannesburg, 2013. – 125 p.

References

1. Andrienko V. P., Okolova E. A. The phenomenon of the past in the works of Bernhard Schlink (on the example of the novel «The Reader»). UDK 821.112.2. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo*, 2015. Vol. 1 (67). № 4. P. 68 – 72. Available at : <http://sn-philol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2017/02/011andrienko.pdf> (accessed:29.04.2023). (In Russ.)

2. Barlas L. G. Sources of textual expressiveness. The problem of expressive stylistics. Rostov on D., 1987. P. 30 – 35. (In Russ.)

3. Valgina N. S. Theory of the text. Moscow, 2004. – 278 p. ISBN 5-94010-187-9. (In Russ.)

4. Vaulina S. S., Devina O. V. The author's modality' as a text-forming category (to the formulation of the problem). *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*, 2010. № 8. P. 13 – 21. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskaya-modalnost-kak-tekstoobrazuyuschaya-kategoriya-k-postanovke-problem/viewer> (accessed:25.04.2023). (In Russ.)

5. Vinogradov V. V. Selected works. Research on Russian grammar. Moscow, 1975. – 559 p. (In Russ.)

6. Vihrgan O. E. Linguistic means of expression the author's modality in I. A. Bunin's novel «The Life of Arseniev»: Autoab. dis. kand. of philol. sciences. Moscow, 1990. 13 p. (In Russ.)

7. Gal'perin I. R. Text as an object of linguistic research. Moscow, 1981. 139 p. (In Russ.)

8. Golubeva T. I. Subjective author's modality in autobiographical texts. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, 2019. № 3. P. 116 – 120. (In Russ.)

9. Grammar of the modern Russian literary language / S. N. Dmitrenko and others ; exec. ed. N. Ju. Shvedova. Moscow, 1970. 767 p. (In Russ.)

10. Gushhina A. I. Problems and artistic features of the works of Bernhard Schlink: dis. kand. philol. sciences. Voronezh, 2021. 172 p. (In Russ.)

11. Ionkis G. Je. The phenomenon of Bernhard Schlink. *Literaturnyj Evropeec*, 2016. № 49. Available at: le-online.org/2015-11-09-17-50-50/364-n49-mosty-ionkis (accessed: 20.04.2023). (In Russ.)

12. Turaeva Z. Ja. Text linguistics and the category of modality. *Voprosy jazykoznanija*, 1994. – № 3. P. 105 – 114. (In Russ.)

13. Chugunov D.A. Features of the representation of the past in the prose of Bernhard Schlink. DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-186-201. *Studia Litterarum*, 2020. Vol. 5. – № 2. P. 186–201. Available at : <http://studlit.ru/images/2020-5-2/Chugunov.pdf?ysclid=Ihj4aeod54435034939> (accessed:29.04.2023). (In Russ.)

14. Sharypina T. A. German «Odyssey» of Bernhard Shlink. *Vestnik Nizhegorodskogo in-ta im. N. I. Lobachevskogo*, 2012. № 1 (2). P. 267 – 271. (In Russ.)

15. Shlink B. Homecoming: a novel / Transl. from Germ. by A. Belobratov. Saint-Petersburg : Azbuka-klassika, 2010. 320 p. ISBN 978-5-389-05509-4. (In Russ.)

16. Jakimec N. V. Category of authorial modality in the functional aspect (based on the material of the "Theatrical Novel" by M. A. Bulgakov). Autoab. dis. kand. of philol. sciences. Nizhnij Novgorod, 1999. – 23 p. (In Russ.)

17. Dreike B. M. Was wäre denn Gerechtigkeit? Zur Rechtsskepsis in Bernhard Schlinks Der Vorleser. DOI: 10.1111/1468-0483.00218. *German Life and Letters*, 2003. Vol.55. № 1. S. 117–129. Available at : <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1468-0483.00218> (accessed:29.04.2023).

18. Wheeler A. M. «How do I speak about the Past?» : Bernhard Schlink and the Genre of Väterliteratur.: a dissertation submitted in fulfilment of the requirements for the degree of Master of Arts. Johannesburg, 2013.

125 p.

AUTHOR'S MODALITY IN BERNHARD SCHLINK'S NOVEL HOMECOMING

**SHARAPENKOVA
Natalia**

*PHD in Philology,
The Head of the Department of German Philology and
Scandinavian studies,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, natshar@mail.ru*

**CHEPUSHTANOVA
ALISA**

*The student of the Department of German Philology and
Scandinavian studies,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, alise.day8@gmail.com*

Keywords:

Bernhard Schlink
novel Homecoming
author's modality category
textual modality
means of expression
author's intention
linguistic personality
immutable values

Summary:

The article investigates Bernhard Schlink's novel Homecoming within the context of the functional-semantic category of author's modality, which has been relatively recently "discovered" by Russian philologists. Research of this category using various works of fiction enables scholars to draw objective conclusions on the artistic pictures of the world of various authors, as well as on their stances and viewpoints expressed in their works in order to be conveyed to the reader. The relevance of this research is determined by the combination of the anthropocentric and interdisciplinary approaches to studying a particular work of fiction whose author highlights the problem of an individual's perplexity in the modern world and brings up the topic of the reassessment of eternal values in the rapidly developing age of metamodernism. Through the level-by-level analysis of the category of author's modality the study revealed all the necessary verbal, structural and informal components of the text in order to detect the author's intention towards a range of meaning-forming concepts. A thorough examination of the text of the novel Homecoming and its selective commenting led to the conclusion that Schlink takes an unambiguous position regarding the importance of saving the immutable social values in the modern world and impossibility of their deconstruction without the following moral degradation of an individual.